

Цена согласия

Автор:

Слава Доронина

Цена согласия

Слава Доронина

Однолюбы #8

– Какой срок? – Глотая слезы, я киваю на живот сестры.

– Неважно. Слушай, Маш... – Голос Зойки становится деловитым, – бабушка ведь нам двоим деньги на квартиру оставляла, так? Я верну со временем твою часть на карту.

С каждой секундой гул в ушах нарастает лишь сильнее.

– То есть, пока я оплачивала ипотеку и твою учебу, ты залетела от моего Дениса, а сейчас намекаешь, чтобы я освободила жилплощадь? С совестью у тебя как, Зой?

– Я слышала, что тебе предложили место в Москве. Какой-то богатый и крутой бизнесмен возглавляет компанию. Поезжай, Маш. Может, там свое счастье встретишь. Ты же не хочешь, чтобы мой ребенок рос безотцовщиной?

В книге присутствует нецензурная брань!

Слава Доронина

Цена согласия

1 глава

– Машка, что значит ты не поедешь? – громко возмущается Света в трубку телефона. – Мы ведь еще в том месяце всё распланировали, забронировали номера, составили программу, оплатили прогулочные билеты. Неужели нельзя выбраться? – обиженно вздыхает подруга.

– Если бы было можно, то я бы уже ехала домой собирать сумку. – Открываю бардачок, чтобы взять помаду и добавить красок губам и настроению, а то похожа на бледную моль.

– Шовинист и трудоголик твой Куваев. Так ему и передай. Напишем с Таней на него жалобу в трудовую инспекцию.

– Угу, – хмыкаю я, закончив марафет и распустив волосы из хвоста. – Заодно погасите платеж по ипотеке. А после того как я рабочее место из-за вас потеряю, за Зойкой не забудьте присматривать, потому что меня, скорее всего, посадят в тюрьму за ограбление банка. Без рабочего места и привычного заработка я не потяну расходы, которые взяла на себя.

В полицию, так и быть, сама заскочу. Чтобы написать заяву на нашего босса. Надоели его грязные домогательства и намеки.

– А Дэн твой не может подсобить и взять хоть часть на себя? Или он только в трусы к тебе заглядывать может, пока ты вкалываешь за семерых и не выходишь из кабинета? Ау, Маш, молодость-то проходит. Второй не будет! А мужиков кругом – вагон и маленькая тележка. Особенно таких, как твой... Денис, – чуть ли не со злостью выплевывает Светка.

Взглянув в зеркало заднего вида, угрюмо всхлипываю, заметив босса. Вспомнишь козла – вот и он. А я покинула рабочее место и собираюсь выехать с парковки на своей колымаге. Еще и сажу с разукрашенным, как у Джокера, ртом. Куваев и без того не отводит глаз от моих губ во время совещаний.

Недавно произошла полная реорганизация компании, на носу важное слияние. Новый босс ходит злой и орет на подчиненных, раздаёт тонны работы. На личную жизнь совсем не остается времени. Удивительно, как Денис вообще меня терпит. А может, Вадим Михайлович специально закидывает всеми этими проектами и бумагами, чтобы я всецело только компании принадлежала, раз ему отказываю в интима? Так не доставайся же ты никому, Мария Анатольевна! Умри на рабочем месте старой девой!

– Всё, Светик. – Я спешно ищу упаковку с салфетками, чтобы вытереть рот, но как назло нигде ее не нахожу. – Не могу говорить. Тане привет. Мысленно буду с вами. Шлите фотоотчет. Целую.

А то мне нужно осуществить план побега и вырваться на встречу с сестрой хоть на пятнадцать минут. Зойка чуть не плакала в трубку, собираясь поделиться какой-то важной новостью. Но полагаю, опять будет требовать денег. С которыми и так напряг в последнее время.

Сбежать незамеченной у меня, естественно, не получается. Босс останавливается у моей машины и, постучав костяшками пальцев по стеклу, ждет, когда я его опущу.

– Мария Анатольевна, рабочий день еще не закончился, и вы мне нужны в офисе.

Он задерживает прищуренный взгляд на моих губах и распущенных волосах. Задумчиво хмыкает и жуёт какое-то время губу, пока я вижу все, о чем он думает, в его потемневших глазах.

Сволочь. Еще хватает наглости улыбаться! Чуть что, задерживает меня на рабочем месте и гоняет с поручениями, словно я дрессированная собачка. Не знаю, насколько хватит терпения, я уже на грани. Ведь было же все хорошо! Кому понадобилось ставить вверх дном налаженную работу и менять руководителей? Может, правда рвануть в Москву?

– Вадим Михайлович, я скоро вернусь. Буквально на полчаса нужно отъехать, и потом я снова включусь в процесс, – заверяю босса.

Куваев поднимает запястье и смотрит на часы.

– Через час приедут важные люди, чтобы посмотреть бумаги перед слиянием. Отчеты готовы?

Я утвердительно киваю.

А чем я еще, по-твоему, занимаюсь, просиживая задницу в кресле и зарабатывая косоглазие от той кучи документов в ноутбуке, которыми ты меня заваливаешь?

Вадим Михайлович снова опускает взгляд на мои губы, затем ниже. Блузка закрытая, но какие-то выпуклости и изгибы фигуры не скроешь. Отчего-то в этот момент думаю, что образ монашки мне бы очень даже подошел. Правда, с моим характером и увлечениями меня бы в монахини не постригли. Скорее, послали бы за инквизитором.

– По делам или по личному вопросу? – продолжает настаивать Куваев.

Внутри закипают злорадия и протест, но я спокойно улыбаюсь.

Добавила, Машунь, красок? Пуговицу на рубашке не расстегнуть, Вадим Михайлович, чтобы обзор был получше?

– По личному. Мы наконец-то с женихом едем в загс, чтобы подать документы на регистрацию.

Пока Куваев переваривает мои слова с явным разочарованием на лице, я закрываю окно и выезжаю с парковки, мысленно показав фак своему боссу. Боже, неужели придется уезжать в Москву? А с Зойкой как быть? Она не привыкла жить одна. А с квартирой? Хотя с той характеристикой, которую напишет мне эта похотливая сволочь, рассчитывать на что-то путное не придется, поэтому можно выбросить из головы мысли о переезде.

В кафе я чуть ли не вбегаю – времени в обрез. Еще и едва припарковалась. Какой-то внедорожник раскорячился на полдороги. Накупают дорогих машин, а ты потом изворачивайся, чтобы не влететь на круглую сумму.

– Маш! – Зойка машет мне рукой, подзывая к своему столику.

- Привет. - Я плюхаюсь на стул и делаю глоток воды из стакана. - Надеюсь, у тебя действительно что-то стоящее. Времени у меня мало, вернусь поздно. Выкладывай, что натворила, и я поехала обратно.

Зойка краснеет и смущается, теревит в руках салфетку, а потом, тоже сделав глоток воды, быстро говорит:

- Спешешь? Ну ладно. Я беременна.

- Что? - Округляю глаза.

Хочется прочистить уши. Мне не слышалось?

- Когда ты успела? А кто отец?

Вопросы возникают в голове один за другим.

- Отец...

Повисает многозначительная пауза.

- Отец моего ребенка - Денис...

Сердце болезненно сжимается в груди, когда до меня доходит смысл. В нашей семье никогда не было теплых отношений. После смерти бабушки и вообще все пошло под откос. Генка забрал себе дом, выселил нас с сестрой на улицу. Но ладно он, ничего доброго я от него и не ждала, а вот от Зойки получить нож в спину...

- Мой Денис? - сипло переспрашиваю я.

- Да, - понуро кивает Зойка.

- То есть, пока я день и ночь проводила на работе, вкалывая за двоих, ты и мой жених... - Осекаюсь, переваривая услышанное. - Какой срок? - киваю на живот сестры.

– Да неважно, Маш. Но теперь я совершенно не представляю, как мы будем жить все вместе в одной квартире. Бабушка ведь нам двоим деньги на нее оставляла, так? Я верну со временем твою часть на карту...

С каждой секундой гул в ушах нарастает лишь сильнее.

– Пока я оплачивала ипотеку и твою учебу, Денис присунул тебе, ты по глупости залетела, а сейчас намекаешь, чтобы я освободила жилплощадь? С совестью у тебя как, Зой?

– Я слышала, что тебе предложили место в Москве. Какой-то богатый и крутой бизнесмен возглавляет компанию. Поезжай, Маш. Может, там свое счастье встретишь. Ты же не хочешь, чтобы мой ребенок рос безотцовщиной?

Ну вот и приплыли. Вот к чему этот заход издалека.

Я залпом выпиваю стакан воды, но мысли не проясняются.

– Чтобы вещей Дениса в моей квартире, когда вернусь с работы, не было. Ты можешь следом за ним уходить. – Намеренно делаю акцент на слове «моей».

Ну и что с душой малолетней делать? Прибить Зойку хочется, но больше пожалеть.

Смотрю на стакан, понимая, что выпила бы сейчас что-нибудь покрепче, но я за рулем. Еще Куваев со своими отчетами, жаждой занять место пожирнее и желанием побывать у меня между ног... Может, правда бросить всё к чертям и улететь в Москву?

– Беременную сестру из дома гонишь? Правильно Генка говорил, что ты оставишь меня без угла! Бессовестная ты, Машка! Почему я его не послушала?

Охренеть. Еще я и бессовестная?

– Вот как раз к Генке и поедешь, там поживешь, заодно и права на свою долю заявишь. Все, что я взяла у тебя на первый взнос, вечером перечислю на карту. Из своей квартиры я никуда не уйду. И если что, Зой, это ты от моего жениха

залетела, пока я пахала, в том числе тебе на шмотки с телефонами и институт.

Но дело даже не в деньгах. Бог с ними. Еще заработаю. Разве можно так с близкими людьми? Совсем не понимаю, что происходит в моей жизни и где я свернула не туда. Правильно говорят: не делай добра...

Едва сдерживая слезы, поднимаюсь из-за стола и иду на выход, задев какого-то человека плечом. Слышатся ругательства и брань, а потом меня резко хватают за локоть и ощутимо встряхивают.

- А извиниться вы не хотите, девушка? Вообще-то у меня важная встреча через полчаса. Как мне в таком виде на переговоры ехать?

Вообще-то в таких случаях должен быть запасной комплект одежды с собой. Рубашка там, или брюки, не знаю... Или кофе за столом пить, а не на ходу.

Жар смятения от пристального взгляда незнакомца поднимается к шее, но до щек не успевает дойти, потому что я хочу побыть сейчас одна и мне плевать на проблемы других. Даже если я стала их источником.

- Извините.

Выдергиваю свою руку из мягкого захвата незнакомца и чуть ли не бегом выхожу на улицу, потому что глаза застилает пелена слез, а я не привыкла плакать на людях.

В машине даю волю эмоциям и мне становится чуть легче. Завожу двигатель и хочу выехать с парковки, пытаюсь не задеть дорожный внедорожник, который стоит сбоку, но, услышав противный скрежет металла, понимаю, что сегодня явно не мой день. По всем фронтам. А когда ко мне направляется тот самый мужчина из кафе, с темным пятном на рубашке и дико недовольным лицом, так и вовсе возникает желание дать по газам и сбежать с «места преступления».

Сильно зажмуриваюсь и впиваюсь ногтями в ладонь. Сейчас я обязательно проснусь. Это просто дурной сон. Я устала, много работаю, переживаю стресс за стрессом – вот снится всякая ерунда. Не изменял мне Денис с Зойкой и не беременела она от него, не ревела я сейчас по этому поводу и не портила ничью машину.

Делаю глубокий вдох и, широко распахнув глаза, наблюдаю, как незнакомец в испачканной рубашке приближается к своей машине.

Нет, это не сон.

Даже сомнений не остается, что подбитый боец принадлежит этому недовольному мужику, у которого на лице написано, что он думает о моих навыках вождения. Словно прочитав мои мысли о побеге, незнакомец преграждает путь и смотрит на меня через лобовое стекло, отрицательно качая головой. Внешность у мужчины приятная, располагающая к себе. На бандита не похож, а ассоциации с маньяком все равно проскальзывают. С аккуратностью, конечно, у «маньяка» проблемы, судя по темному пятну на его белоснежной рубашке. Но это тоже по моей вине. Блин... Может, удастся мирно договориться?

Быстро прокручиваю в голове план Б, чтобы поскорее здесь со всем закончить, потому что если работу потеряю, то не представляю, как и на что буду жить. Не на улицу же идти? Да, мой начальник – похотливый кобель, но где мне будут платить такую высокую зарплату? А Зойкину часть за квартиру чем выплачивать? Пусть они с Денисом по съемным комнатам мыкаются, а я свой угол никому не отдам. Лишь бы сейчас не попасть на круглую сумму. В чем я сильно сомневаюсь.

Бросаю на себя взгляд в зеркале заднего вида. Глаза красные, нос тоже. Губы... Господи, да где эти салфетки? Хотя они уже не помогут. Пусть так все и остается.

Я опускаю стекло, когда незнакомец вплотную подходит к двери. Вновь становится не по себе от его пронизательных глаз: будто он видит меня насквозь и умеет читать мысли. Но как бы там ни было, считывать эмоции у мужика на самом деле получается очень хорошо, раз не дал мне сбежать.

– Второй залет за пятнадцать минут. – Он кивает на бочину своего внедорожника. – У тебя проблемы, милая. Серьезные. Со временем у меня сейчас напряг, поэтому... – Мужчина задумчивым взглядом окидывает свою машину, – сто тысяч за вмятину и содранную краску, пятнадцать – за испорченную рубашку, и расходимся. Это я еще по минимуму оценил твои способы привлечь мое внимание. Был бы в паршивом настроении, влетела бы по удвоенному ценнику.

Даже изображать ничего не приходится, потому что слезы сами наворачиваются на глаза, когда я слышу эту цену и хамский тон незнакомца. Громко шмыгая носом, опять развожу сырость, но уже красиво. Как это делают в фильмах. Если сбежать не смогла, то нужно хотя бы вызвать жалость, чтобы этот придурок меня отпустил и не требовал баснословные суммы, которых в кошельке и в помине нет. А может, приступ астмы изобразить? Или припадок? Начать соблазнять? В стрессовых ситуациях я всегда туго соображаю. Но сейчас ошибка может дорого стоить. Нереально дорого. Такие траты мне не по карману.

– Извините, – начинаю я, вспомнив, что мужчина обучен манерам и от других требует того же. – У меня сегодня все идет наперекосяк. Босс чуть не изнасиловал. А я и так свожу концы с концами...

Боже, какая чушь. Хотя почти не обманываю. Но понимаю, что это прокол и нужно быть максимально честной.

– А еще жених изменил мне с сестрой, и они просят освободить жилплощадь. У меня сейчас нет такой суммы...

Я смахиваю слезы со щек и, уронив лицо в ладони, слегка развожу пальцы. Наблюдаю, как незнакомец закатывает глаза.

Кажется, слышу ругательства. Ну конечно, не поверил. Хотя я старалась быть убедительной. Совсем его не трогают женские слезы? Бесчувственный сухарь. А с виду ведь привлекательный. Наверное, все же маньяк.

– Заканчивай этот драматический театр. Вытряхивай из кошелька, сколько у тебя есть, и вали отсюда, – произносит мужчина с раздражением.

Блин, лучше бы я сбежала. Бог с этими правами и штрафом. Зато не попала бы на деньги и в глупую ситуацию. Тане бы позвонила в крайнем случае, и она помогла бы мне это все разрулить. А если на парковке стоят камеры видеонаблюдения?

Черт, ну какая же засада. И ведь столько знаков было, чтобы я не ехала на встречу с сестрой, осталась на рабочем месте. Вот что теперь делать? В кошельке как раз пятьдесят тысяч нала. На платеж за ипотеку... Швырнуть их придурку в лицо со словами: «На, подавись, скот»?

– Извините, у меня такой суммы нет, – повторяю я и дышу ровнее, переходя к плану В, раз слезы этого крохобора не трогают.

Может, все-таки сбежать? Где он меня искать будет? Тем более если у него есть деньги на такую машину, то и на ремонт тоже найдутся, правильно? Одно ТО, наверное, стоит, как моя колымага.

– Я впервые оказываюсь в подобной ситуации, – продолжаю, придав голосу мягкости. – И это ведь еще спорно. Может, царапина у вас и до меня была? Давайте мирно всё решим?

Я провожу рукой по вороту блузки и расстегиваю две верхние пуговицы.

Ну, во-первых, на улице жарко, а во-вторых... Вдруг повезет и этот придурочный сжалится? На какие-нибудь сто тысяч.

Незнакомец замечает движение моей руки, ныряет взглядом в декольте и выразительно изгибает бровь.

Господи, надо было продолжать реветь. Зачем только рот открывала? Может, у мужика жена и куча детей, а я тут со своими дешевыми методами обольщения... К тому же должна признать, что актриса из меня никакая.

– Блондинки не в моем вкусе, – безапелляционным тоном заявляет незнакомец.

Словно гвоздями к стене прибивает этими словами. Планы Б и В летят кубарем вниз, когда меня осаживают холодным взглядом темных глаз.

Жаль я на курсы психологии не ходила – больше бы пригодилось. Потому что понятия не имею, что делать дальше. Вызывать инспектора и оформлять европротокол? Боюсь, как бы на еще бо?льшую сумму не влететь, потому что я без страховки, да и права, кажется, забыла на работе.

– Хотя... – иронично ухмыляется незнакомец. – Если ты такая же эмоциональная в постели, то так и быть, десятку скину.

Говорю же: придурок.

– Озвученной суммы у меня с собой нет. – Я застегиваю блузку, чувствуя, что опять хочу выпить чего-нибудь покрепче. – Только половина. И расписка от вас нужна, что претензий ко мне не имеете.

– Расписка и ужин, – поправляет незнакомец и поднимает запястье. Смотрит на часы, потом на свою машину и снова на меня. – Ладно, мне как раз нужна спутница на вечер. Только приоденься как-то посолиднее, а не в свое скучное и дешевое тряпье. И сиськи так не выпячивай. В приличное место поведу.

Он бросает мне на колени визитку.

Совершенно мне не нравятся тон и повадки этого человека. И это он еще просил, чтобы я за что-то там извинялась? С радостью бы развернулась и с другой стороны ободрала бок его машины.

– И что я должна буду делать?

– Ничего. Прийти со мной в ресторан и желательно молчать.

Незнакомец отходит к своей машине, достает листок бумаги из папки, что-то быстро пишет, а потом показывает мне расписку. Пока вчитываюсь в строчки, он забирает у меня из сумки кошелек и достает из него весь нал.

– А если я не приду?

– Расписка и деньги у меня останутся. Ну и голова человеку дана, чтобы думать, а не совершать ошибки. Если все так херово в твоей жизни, то и садиться за

руль не следовало. Когда кого-нибудь насмерть задавила бы, тоже бы плакала и причитала «я не нарочно, отпустите»?

И подумать не могла, что настолько сильно ненавижу мужчин в деловых костюмах и с подобным лоском во внешнем облике, как у этого. Который стоит передо мной и говорит гадкие вещи.

Оставив свой номер и сказав, что буду ждать звонка, я выезжаю с парковки, едва удерживая себя от того, чтобы еще раз не зацепить соседний внедорожник своей колымагой. Поднимаю с колен визитку и вчитываюсь в ровные строчки: Константин Сергеевич Гончаров, помощник депутата Государственной думы.

Желание сбежать действительно становится чуть поменьше. Но и человечности в таких людях должно быть на порядок больше – разве нет? Видел же этот помощник, что я не притворялась в кафе и едва сдерживала слезы, но все равно повел себя, как конченный мудака. А может, все они такие, если брать в расчет поведение моего жениха и босса?

И всё бы ничего. Я даже придумала причину и речь, чтобы избежать еще одной встречи с неприятным человеком по фамилии Гончаров. Договорилась бы с ним о завтраке на нейтральной территории. Только опять все пошло через одно место, потому что день сегодня не мой, и он, к сожалению, еще не закончился.

3 глава

Я уже час смотрю в экран ноутбука и никак не могу сконцентрироваться на документах и работе. Из головы не идут слова Зойки. А когда начинаю представлять ее вместе с Денисом в откровенных позах, да еще на своей кровати, так и вовсе тошнота подкатывает к горлу. Разве отгулы не положены в трудные жизненные моменты?

Нет, рано или поздно Денис бы выдвинул ультиматум: он или работа. Но что таким образом со мной поступит – сделав ребенка Зойке... В голове не укладывается. И как давно Денис спит с моей сестрой? Почему сам не пришел поговорить, а скинул все на плечи сестры? И чтобы я освободила квартиру – это

он Зойку надоумил?

Достаю календарь и подсчитываю день цикла. Не хватало еще пойти тем же путем, что и сестра. Но нет, слава богу, беременность мне пока не грозит. На днях должны прийти критические дни, я чувствую все признаки надвигающегося ПМС. Вдобавок к возникшему пиздецу в жизни. Еще и денег в кошельке ни гроша. Впрочем, как и нервов у меня. Зашибись.

Снова набираю Дениса, чтобы услышать от него хоть какие-то вразумительные объяснения, но получаю один и тот же ответ в трубке: абонент временно недоступен.

Впервые за много лет мне нет дела до карьерного роста и денег. Как будто молнией пронзило от предательства близких людей и весь дух вышибло.

Тихий звук входящего сообщения отвлекает меня от безрадостных мыслей. Быстро читаю строчки и едва сдерживаюсь, чтобы не швырнуть телефон в стену. Куваев. С очередным заданием. На этот раз – привезти кипу бумажек по указанному адресу. Немедленно. А ехать, между прочим, в другой конец города!

Делаю вид, что не получала никакого сообщения, но через пять минут в кабинете появляется Валентина, секретарша Куваева, и недовольно пыхтит, глядя на меня, развалившуюся в кожаном кресле.

– Ты почему Вадиму Михайловичу не отвечаешь? – с претензией в голосе с порога заявляет она.

Беру листок бумаги и, скомкав его в шарик, бросаю в урну рядом с дверью. Мастерство я отточила до идеального и теперь всегда попадаю с первого раза.

– Я с кем разговариваю, Маш? – строго повторяет Валентина.

– Мария Анатольевна, – поправляю ее. – У нас в компании с подачи Вадима Михайловича теперь принято обращаться к сотрудникам по имени и отчеству.

– Мария Анатольевна, Вадим Михайлович попросил меня передать, чтобы вы отвезли в ресторан, где у него через час будет деловая встреча, последние

отчеты и договоры по сделкам.

– Сейчас отвезу, – безразличным тоном заключаю я и комкаю в руках новый шарик, а затем метко кидаю его в урну.

– К тебе уборщица, что ли, не приходит? – спрашивает Валентина, заметив, что таких шариков накопилось немало и они вот-вот начнут выпадать из корзины.

– Если ты про это... – киваю на урну, – то я решила закидывать в нее маленький бумажный шарик каждый раз, когда меня кто-то бесит. Нурсалана в курсе этой забавы и поэтому ничего не трогает. Не вздумай ее отчитывать.

– Кто-то бесит? – сощурившись, переспрашивает Валентина. – Это ты на меня, что ли, намекаешь?

– Да прям, на тебя, – хмыкаю я. – Куваев меня бесит своими бесконечными подкатами и тем, что заваливает работой.

Повисает долгая пауза.

– И за какой промежуток времени накопилась эта куча бумажек? – Валентина опять сосредотачивается взглядом на мусорном ведре.

– За три дня.

– Неужто так плохи дела?

Отвратительно плохи, но кому до этого дело?

– Водитель есть свободный? – спрашиваю я.

После сегодняшних новостей и происшествий не хочу больше садиться за руль, а на такси денег нет. На карте тоже почти ноль, а еще надо на что-то хлеб купить да колготки. Дожила. Осталось побирушкой на привокзальную площадь податься. Я опускаю глаза на ноги: чулки вроде еще целые, даже зацепок нет. Рано на вокзал. Но в случае чего, знаю, куда идти: бабушка всегда говорила, что у меня сильный голос, а я давно заприметила симпатичного юношу в переходе

метро неподалеку от нашего дома. Он такие красивые мелодии играет. Напрошусь к нему в солистки.

– Кажется, Валера был свободен, сейчас узнаю. И ради бога, отвези ты Куваеву эти документы, а то опять будет орать на всех. Три таких урны с шариками накопишь за один день, если его не утвердят в новой должности.

– Валь, – окликаю я, когда она уже подходит к двери. – А номер жены Куваева у тебя есть?

– Что? – Валентина озадаченно смотрит на меня и хлопает ресницами. – Зачем тебе? Ты что удумала, Машка? Выбрось глупости из своей головы и не связывайся с этой семейкой. Ничего я тебе не дам.

– А когда Куваев зажмет меня в своем кабинете и под юбку полезет, полицию вызовешь? – на полном серьезе спрашиваю я.

– Что?

– Понятно. – Переключаю внимание на ноутбук, чтобы зайти в программу и отсканировать необходимые документы.

– И да, к Перченко зайди за печатью. С собой возьми на всякий случай.

Вроде ничего плохого Валентина мне не сделала и всегда пытается поддержать, но лучше бы дала телефон жены Куваева. Я бы ей позвонила и сказала, что ее муж – похотливая сволочь. Глядишь, она бы устроила ему скандал. Не мне же заниматься перевоспитанием кобелей. Я вон и так сегодня попала на деньги, еще и на уголовную статью – неохота.

Всю дорогу до ресторана Валера пытается со мной заговорить, но у меня совершенно нет настроения. Да и откуда ему взяться?

– Постой. – Меня осеняет. – А в «Калипсо» у Куваева с кем встреча?

– Да откуда мне знать, Маш, – пожимает Валера плечами.

А что, если этот женатый бык-осеменитель решил таким образом добиться моего расположения и ни с кем никакой встречи в помине нет? Ага, и Зойку до кучи подослал с пламенной речью, что она якобы беременна от моего Дениса. Нет, Куваев не стал бы так заморачиваться. Скорее всего, бумаги ему действительно понадобились и мне можно не опасаться за свою честь.

- Тебя ждать? - спрашивает Валера, паркуясь у ресторана.

- Сейчас. Погоди минутку. - Я отвлекаюсь на входящий звонок, думая, что это Куваев, но вижу незнакомый номер.

Достаю визитку Гончарова из кармашка сумки и разочарованно стону. Я надеялась, что этот человек не позвонит. И как он узнал мой настоящий номер? Тот, что я продиктовала ему несколько часов назад - неправильный. Но учитывая его возможности, это вовсе и не проблема. Наверное и адрес мой теперь знает, маньячелло.

- Да, алло, - отвечаю спокойным голосом, мечтая, что получится отвертеться от вечернего сопровождения этого мужчины куда бы то ни было.

- Через пятнадцать минут заеду за тобой, назови адрес, - произносит он вкрадчивым голосом с низкой вибрацией.

Ни здравствуйте, ни до свидания, ни вопроса «Всё ли у нас в силе?».

- К сожалению, я не смогу составить вам компанию на вечере. - Несмотря на то что знаю имя и отчество Гончарова, язык не поворачивается произнести их вслух.

Кажется, опять слышится недовольный вздох и что-то похожее на ругательства.

- Расписку я порву. И еще полтинник за тобой висит. К сожалению, - чеканит Константин Сергеевич.

Еще полтинник? Но я ведь не умышленно испортила вещи!

– Я действительно не могу. У меня расстройство желудка, – выпаливаю ложь без запинки. – Надеюсь, подробностей не нужно, чего вам будет стоить выход со мной в люди?

– Неужели так перенервничала? – Гончаров как-будто прищелкивает языком.

Я даже на настоящее расстройство желудка согласна, лишь бы сегодня меня все оставили в покое. Еще чуть-чуть, и нервное напряжение выльется в истерику, если не дать волю накопившимся эмоциям и слезам.

– И давайте будем честны, – продолжаю я на тон тише, а то больной и слабый человек вряд ли станет говорить так бойко. – Та царапина не стоит этих денег. А я вовсе не шутила про домогающегося босса и жениха-изменщика. И уж тем более не пыталась привлечь ваше внимание. За что такие нереальные суммы?

Повисает пауза. Кажется, что Гончаров сбросил звонок. Убрав телефон от уха, я смотрю на дисплей. Нет, Константин Сергеевич еще на линии. К несчастью.

– Хорошо, я всё понял. – Он даже не скрывает легкую иронию и то, что опять мне не поверил. – Жди звонка юриста и готовь оставшуюся сумму.

Вот теперь разговор точно завершен, потому что слышатся короткие гудки, а после воцаряется звенящая тишина.

Ну вот за что мне все это? Неужели за план В и демонстрацию декольте? Хотя, может, оно и к лучшему, что так? Хрен с этими деньгами. С зарплаты верну вредному крохобору все до копейки. Пока, правда, ума не приложу, где взять столько, чтобы вернуть еще и Зойке часть за квартиру.

В ресторан я чуть ли не вбегаю, потому что Куваев не перестает названивать и требует моего немедленного появления.

– Вас только за смертью посылать, Мария Анатольевна, – зло выплевывает он, когда я вхожу в vip-комнату и кладу папку на стол. – Последние проводки, надеюсь, не отразили в отчетах?

– На полтора и два миллиона, которые мы отправили нашим «дочкам»? – нарочно игнорируя его недовольный тон, с невинными глазами уточняю я. Знаю наверняка, как босса выбесят эти слова.

Куваев поднимает на меня красноречивый взгляд.

Мне совсем не нравится, как новое начальство ведет бухгалтерию филиала. Ладно сесть за тяжкие телесные, но за мошенничество в особо крупных размерах – такого счастья мне не надо. С предыдущим боссом в разы спокойнее было работать.

– Мария Анатольевна, мне рекомендовали вас как хорошего специалиста, который знает толк в своем деле. В свои двадцать шесть вы очень многого достигли. Не каждый занимает такие высокие должности и получает приличную зарплату, – начинает Куваев читать нотации, жирно намекая, как нужно ценить то, что меня не уволили после смены руководителей филиала. – Сбавьте обороты, если не хотите оказаться на улице.

– В прошлом месяце меня вызывали в налоговую. Благодаря грамотному ведению мной документооборота и знанию законов, к вам никаких претензий теперь не имеется. И дальше не возникнет вопросов, если мы не будем друг друга обижать, – пафосно отвечаю я.

Да и пофиг. Пусть увольняет! Сколько можно терпеть эти унижения? Поеду покорять Москву. Продам квартиру, если банк даст согласие, выплачу Зойке ее кровные, и пусть барствует. Может, на новое жилье, размером с коробку из-под холодильника, ей как раз и хватит этих денег.

– Всё, возвращайтесь на рабочее место, Мария Анатольевна, – с еще большим раздражением говорит Куваев. – И будьте на телефоне. Возможно, мне еще понадобится какая-то информация и документы.

Наверное, поэтому босс дальше намеков на интим и не заходит. Прекрасно понимает, что я много знаю и в случае чего могу больно схватить его за яйца. Конечно же, в переносном смысле, потому что даже фантазии о том, что придется прикоснуться к его гениталиям хоть пальцем или увидеть их, хватает, чтобы вызвать у меня противную тошноту.

Едва сдерживаюсь от желания выбесить Куваева еще больше и спросить: «А спать мне когда?». Но решаю не подливать масла в огонь. Судя по тому, как босс нервничает, встреча у него действительно важная.

Я направляюсь к выходу, лелея надежду, что через пару часов наконец-то смогу поехать домой, как вдруг сталкиваюсь в дверях с Гончаровым, тем самым жадным придурком, которому несколько минут назад врала по телефону, что страдаю расстройством желудка и мне нужно отлежаться.

Константин Сергеевич громко хмыкает, узнав меня, и ироничная усмешка трогает его сжатые губы. В глазах появляется дьявольский блеск. Вот сейчас Гончаров и впрямь похож на опасного маньяка.

Он переводит взгляд мне за спину, потом опять на меня и отрицательно качает головой, в который раз каким-то образом считывая мои мысли о побеге.

4 глава

– Не торопись, – подает голос Гончаров, закрывая за собой дверь. Почему-то на замок и при этом спрятав ключ в кармане брюк.

Тут же становится дурно от мысли, что обсуждать эти двое сейчас будут вещи, которые мне слышать не нужно. Я и так должна Гончарову деньги и нахожусь на интимном счету у своего босса. Стать свидетелем подобной сцены означает для меня – получить новые неприятности. Хотя, может, все обойдется и я себя накручиваю?

Но так я думаю ровно до того момента, пока Куваев не начинает что-то быстро говорить подошедшему к нему Гончарову. И резко замолкает, потому что получает от своего гостя удар по лицу той самой папкой, которую я везла из офиса почти через весь город.

Куваев мешком падает на пол, а я делаю шаг назад, чувствуя, как обрывается сердце в груди, и понимая, что ничем хорошим для меня это все сейчас не закончится.

– Что вы делаете?.. – обращаюсь к Гончарову, наконец выдавив из себя хоть какие-то слова.

Но он не обращает на меня внимания. Присев на корточки, приподнимает за грудки Куваева и, подождав, когда тот немного придет в себя, снова бьет его по лицу. На этот раз уже сильнее и с таким хладнокровием и безразличием, будто только этим и занимается по жизни – выбивает из людей дух. Теперь до меня доходит, что Константин Сергеевич никакой не помощник депутата, а самый настоящий маньяк. Похоже, я не ошиблась.

– Кресло руководителя тебе, Вадик? – Гончаров поднимается на ноги и смачно сплевывает на пол. – В тюрьму отправишься, гнида. А если тебе представится возможность позвонить Антипову, то передай второй гниде, что он следующий. До каждого доберусь, суки. Думаешь, четыре года в тишине жили, по глубинкам рассредоточились, и я спустил всё на тормозах? Не спустил.

Гончаров поднимает папку с пола и, открыв ее, медленно листает бумаги. По напряженным плечам и тому, как сдвинулись густые черные брови, делаю вывод, что этому человеку не нравится увиденное. У него какие-то личные счета с Куваевым? Но ведь я не имею к этому никакого отношения, правильно?

– Пожалуйста, дайте мне уйти. Я сделаю вид, что ничего здесь не слышала и не видела, – прошу я, пчась к двери и пытаюсь отвести взгляд от босса, который лежит на полу и не подает признаков жизни. – Мне никакие деньги и расписки от вас не нужны. Ничего не нужно.

Господи, куда я влипла? Только криминальных разборок не хватает для полной радости. К тому же в документах про слияние совсем другие фамилии мелькали. Никакого Гончарова и в помине не было.

– Уйти? Как раз наоборот. Мне очень даже на руку, что ты здесь была, – после долгой паузы произносит Гончаров. – Говоришь, босс предлагает тебе интим и пытается склонить к сексу? Вот у кого-то и не выдержали нервишки, правда? – Бросив быстрый взгляд в сторону распластавшегося на полу Куваева, он поднимает на меня насмехающиеся глаза.

Намекает, что это я нанесла Вадиму Михайловичу такие удары? Но это невозможно!

Отрицательно качаю головой:

- Я не трогала его и пальцем, это всё вы...

Гончаров досадно прицокивает языком.

- Здесь наверняка есть камеры видеонаблюдения...

- Третий залет, милая. Ничего здесь нет. Персонал я купил.

И правда залет. Третий. Даже не знаю, какой был бы лучше: настоящий, как у Зойки от Дениса, или так... Господи, какая же я дура! И почему сразу не сбежала? Вот что теперь делать?

- Общак где хранится? - спрашивает Гончаров обманчиво спокойным голосом.

Но я без понятия, о чем идет речь. Вряд ли о тех мизерных суммах, которые не отражены в документации.

- Хотя ладно, - задумчиво хмыкает он, - не суть. Мне нет дела до денег Куваева. - Швыряет папку на диван. - Но обязательно изучу подробнее, только в спокойной обстановке, а что не пойму - подскажешь. Черную бухгалтерию тоже ты ведешь или другой человек? - Гончаров вопросительно приподнимает бровь.

Какую черную бухгалтерию? И что я должна подсказать? Я ничего не знаю!

Не дождавшись ответа, Гончаров достает телефон из кармана брюк и звонит в полицию, сообщая о нападении на девушку и попытке изнасилования. Называет адрес ресторана, в котором мы сейчас находимся. После этого еще кого-то набирает и говорит, что можно списывать со счетов Куваева и готовить почву под Антипова.

До меня не сразу доходит, кто будет этой изнасилованной девушкой и что укажут в протоколах полицейские. Но когда Гончаров сосредотачивает на мне оценивающий взгляд, накатывает паническая волна ужаса. Нет, не верю... Кому-то, как Зойке, ребенок, квартира, свадебное платье, а мне очередной треш и

убитые в хлам нервы?

- Вы же не станете этого делать, правда? - бормочу я, продолжая пятиться назад, не в силах отвести глаз от Гончарова, пока он наступает на меня.

Упираюсь лопатками в стену, чуть не споткнувшись о папку на полу, и понимаю, что всё. Это конец.

- Не трогайте меня, я буду кричать. - Выставляю руки вперед.

- Желательно громко, чтобы персонал ресторана это услышал.

- Вы не посмеете...

- А кто мне помешает? - перебивает Гончаров с самонадеянной ухмылкой.

Пока мозг усиленно обрабатывает информацию и ищет выход из сложившейся ситуации, организм сам подсказывает, как поступить: из глаз брызгают слезы. Инстинкт самосохранения никто не отменял. В чем-то я блондинка до мозга костей.

- Совсем вам, что ли, безразличны мои страдания? Не трогают душевные переживания? Оставьте меня в покое. Я не нарочно испортила вашу машину. И к темным делам Куваева не причастна, всего лишь веду юридическую и бухгалтерскую документацию. Отпустите меня... - срывается на шепот мой голос.

Толчок - и Гончаров вжимается в меня всем телом, а затем разворачивает лицом к стене. Я даже не успеваю ничего понять. Могу лишь чувствовать нарастающее волнение.

- Ну почему же безразличны? - Он упирается эрекцией мне в ягодицы. - Немного заводит.

Ничего себе «немного»! То, что сейчас в меня упирается, явно очень внушительное.

Гончаров проводит свободной рукой по моему животу и забирается в вырез блузки. Ощутимо сжимает грудь, а затем безжалостно рвет ткань, вызывая у меня новую волну паники и дрожи.

- Ты же говорила, что будешь кричать. И?..

Хочу возмутиться, но чувствую, как Гончаров прикусывает мочку моего уха и опускает руку ниже, уже ощупывая мои бедра и удерживая пальцы на резинке чулок.

- Электронный адрес в записке, которую ты носила в кошельке, принадлежит компании одного моего хорошего знакомого. Оказывается, ты прошла там собеседование. Так вот, получишь это место с надбавкой к жалованию, если окажешь мне пару услуг. Первая: дашь сейчас показания следователю, что тебя грязно домогались, но ты защищалась, а я пришел на выручку. - Гончаров рвет на лоскуты оставшуюся на мне одежду. - Куваеву и так светит срок, а я хочу, чтобы он сел наверняка, и все для этого сделаю.

- А вторая услуга?

- Вторая? - Он поворачивает к себе лицом и оглядывает мой потрепанный вид.

Опустив глаза, я замечаю оттопыренную ширинку на брюках Гончарова и понимаю, что подразумевается под второй услугой.

- Если откажешь, то это тело... - Быстрый кивок на Куваева, - выйдет через какое-то время на свободу под подписку о невыезде и сделает с тобой то, что ты сейчас расскажешь следователю. А я не буду тебя защищать и не приду на помощь.

Я глубоко вдыхаю накалившийся между нами воздух.

- А как же блондинки не в вашем вкусе?

- На раз сойдешь.

Еще толчок, и теперь Гончаров вжимается эрекцией мне в живот, а потом целует меня в шею.

Коленки тут же подкашиваются от того, насколько горячие его губы.

Меня жених бросил, на моих глазах босса чуть не убили, этот маньяк просит дать ложные показания и обещает поиметь, а я думаю о бегущих мурашках на коже? Точно сумасшедшая...

– И что я получу взамен? – спрашиваю, глядя в потемневшие глаза и чувствуя страх вперемешку с интересом.

Гончаров, чуть склонив голову и прищурившись, задумчиво наблюдает за мной.

– Явно больше, нежели останешься в своем Задрипинске ждать, когда кто-то из последователей Куваева тебя дождет и отымет во все щели за такую подставу. Это в лучшем случае. А в худшем... Наверное, и так догадываешься?

– Тогда не вижу никакой разницы, кем и когда быть использованной. – Я высоко вздергиваю подбородок, пытаюсь сохранить хоть крупицы гордости, которую очень настойчиво норовят растоптать.

Предпринимаю попытку вырваться, но Гончаров, сжав в кольцо сильных рук, прижимает меня к себе и берет в плен мои губы. В голове почти тут же вспыхивает безумие, а по телу проносится горячая волна.

Он отстраняется через мгновение, будто между нами ничего и не было.

– Вот и договорились. Перед Рафиком замолвлю за тебя словечко, когда все мои хотелки выполнишь. Уж он точно не обидит ни деньгами, ни должностью.

Мне совсем не нравится это предложение. Совершенно. Но оно сделано таким образом, что либо сбегать и прятаться от Куваева и его людей в одиночку, либо быть с Гончаровым, выполняя прихоти этого маньяка. В этом вроде хоть какая-то определенность.

Хотя какая уж тут определенность? Правильнее сказать: абзац.

Да, именно так. В твоей жизни наступил абзац, Машка. И как теперь быть?

5 глава

Еще никогда мне не было так стыдно, как несколько минут назад в кабинете у следователя. Но теперь в разы страшнее за свое будущее. Днем я пыталась дозвониться до Дениса, планировала закатить ему скандал и, когда вернусь с работы, выгнать их с Зойкой на улицу, а сейчас ничего из перечисленного не хочу. Закрыться бы в своей комнате и побыть в тишине, чтобы переварить случившееся. Кто бы мог подумать, что день закончится так ужасно.

Поворачиваю голову и наблюдаю, как Гончаров сидит в расслабленной позе и, положив одну руку на руль, курит. Медленно, с наслаждением. У меня возникает желание потянуться к бардачку за пачкой с зажигалкой и тоже закурить. А еще лучше – выпить. Словно прочитав мои мысли, Гончаров оборачивается назад и шарит на заднем сиденье рукой, зажав сигарету в зубах, а потом протягивает мне начатую бутылку с темной жидкостью.

– Пей, – заполняет тишину в салоне тихий и спокойный голос.

В любой другой ситуации я бы отказалась, но сейчас чувствую, что необходимо снять нервное напряжение. А потом лечь спать. Желательно в свою кровать и в одиночестве.

Смотрю на широкую руку с браслетом часов и ничего, кроме как желания впиться в нее зубами, не испытываю. Тем не менее беру бутылку и прикладываюсь к ней. Несколько глотков хватает, чтобы почувствовать внутри обжигающее тепло и крохи расслабленности.

Я возвращаю Гончарову бутылку и прикрываю грудь руками, потому что этот маразматик заинтересованно наблюдает за мной и даже не пытается этого скрыть.

– Завтра утром съездим в участок, а потом я подключу помощь посерьезнее. Дергать тебя больше не будут, – заверяет Константин Сергеевич, задерживая

глаза на моем декольте, и довольно приподнимает уголки губ.

А мне вот совсем не смешно. Вспоминаю, как Гончаров прижимался ко мне своей эрекцией, и по телу пробегает новая волна дрожи. Явно не от возникшего желания. Только если – вцепиться этому придурку ногтями в лицо.

– Интим между нами не будет, – изрекаю я, не обращая внимания на его разглядывания. – Достаточно того, что меня сейчас осмотрел врач и я дала ложные показания. Хотя про жениха не обманывала: он с моей сестрой переспал и сделал ей ребенка, пока я работала допоздна в офисе. Разве это справедливо, что кому-то в жизни достанется что-то хорошее, а со мной вот так?.. – Обвожу салон дорогой машины взглядом, намекая, что меня удерживают в ней шантажом.

Даже не знаю, как обращаться к человеку, который сидит напротив. На языке крутятся одни ругательства.

– Ты мне отвратителен, потому что заставил лгать, – вырывается у меня.

Когда я под градусом, то не получается держать язык за зубами. И выкать этому придурку я больше не собираюсь.

Гончаров громко хмыкает. На бесстрастном лице появляется подобие усмешки.

– За успех, милая, всегда приходится платить. Часто – личными интересами. Но это не самое страшное, что могло случиться в твоей жизни. Если бы ты вышла замуж за своего козла и родила от него детей, а потом узнала, что он ходок, было бы гораздо хуже и неприятнее, согласишься.

На языке опять крутятся ругательства.

– Поехали, заберем твои вещи, и в отель. Я дико устал и хочу спать, – выдает Гончаров и нажимает кнопку запуска своей навороченной машины.

Я растерянно смотрю на него и молчать уже не могу:

– Что значит «заберем твои вещи, и в отель»? Я с тобой никуда не поеду. Домой меня отвези, – озвучиваю версию с цензурой.

– Уверена? – Гончаров игнорирует мой пренебрежительный тон. – Завтра утром движ начнется. Люди из Москвы приедут по мою душу. Про тебя тоже узнают и, скорее всего, захотят пообщаться.

– Люди из Москвы? – переспрашиваю я сиплым голосом. – Пообщаться? Зачем?

– А сама как думаешь? – усмехается Гончаров с гаденькой улыбкой.

«Козел, во что ты меня втянул?» – чуть не срывается с языка, но каким-то чудом я удерживаюсь от этой вызывающей реплики.

– Дело с Куваевым я доведу до конца, – невозмутимо продолжает Константин Сергеевич. – Вадик сядет. И надолго. Чтобы ты знала: люди, которые приходят мне на выручку, за бортом не остаются. В отличие от тех, что создают проблемы и допускают серьезные промахи. Так что определяйся на берегу: со мной в Москву едешь или в свободное плавание отправляешься, в независимом и гордом одиночестве. У меня нет времени на уговоры и страхование незнакомых девиц от несчастных случаев в их жизни.

– Конечно, какие могут быть уговоры? Подумаешь, мелочь! Доломал остатки моей жизни, превратив ее в руины, а в случае чего теперь можно меня шантажировать, потому что дала ложные показания, правда?

– На, еще выпей, – протягивает Гончаров бутылку. – Может, тебя вырубит. Жужжишь, как надоедливая муха. Один хрен мозги включить сейчас не можешь, так мои не выноси, – с раздражением произносит он.

Не знаю, каким образом сдерживаюсь, чтобы не разбить эту бутылку об его голову. Однако чутье подсказывает, что нельзя этого делать.

– Домой. Меня. Отвези. Немедленно, – чеканю я и отталкиваю руку Гончарова, отказываясь от новой порции алкоголя.

Кажется, Константин Сергеевич обзывает меня дурой. Впрочем, так оно и есть. Но если уж меня и ждет какой-то треш, то лучше сразу об этом узнать, а не делать вид, что меня ничего не касается. Коснулось. Причем во всех смыслах этого слова. И еще раз пообещали коснуться. Если не дать решительный отпор этому придурку.

Машина плавно трогается с места и отъезжает от полицейского участка.

- Я не называла адрес, - говорю, когда автомобиль сворачивает в знакомый проулок.

Гончаров ничего не отвечает. Разблокировав замок, показывает мне глазами на дверь, и сам выходит на улицу.

- Ты собираешься со мной пойти? - недоумеваю я. - Зачем?

- Подтвердить кое-какие догадки.

- Думаешь, я наврала про сестру и жениха? Специально это придумала, чтобы разжалобить тебя?

- Как ты еще дожила-то до стольких лет со своим примитивным мозгом, истеричка? - доносится до меня шипящий шепот.

На мгновение застываю на месте, глядя в удаляющуюся спину Гончарова, и едва не захлебываюсь воздухом от возмущения. Это я истеричка? После всего, что он учинил в ресторане? Жаль, Зойка ему вместо меня не попала. Тогда бы он осознал масштабы случившейся катастрофы. А я так, мелкая проблема. И уж явно не с примитивным мозгом: лучшая была на потоке и экстерном закончила институт.

- Ты идешь? - спрашивает Гончаров нарочито громко и не оборачиваясь.

Поднявшись на третий этаж, я рыщу в сумочке в поиске ключей.

- На порог я тебя не пущу, ясно? Достаточно того... - Осекаюсь, потому что не могу вставить ключ в замочную скважину и попасть в квартиру.

Не верится, что Зойка сменила замки. От шока пытаюсь снова, но ничего не выходит.

– Никак? – спрашивает Гончаров и победоносно смотрит на меня сверху вниз. – Как я и предполагал. Эту проблему я могу решить в два счета. Естественно, в твою пользу. Но оно тебе надо? Сейчас же начнутся суды, дележка имущества, разборки. А в Москве ты за пару лет на два таких подвала заработаешь.

Я таращу глаза с закрытой двери на Гончарова и обратно.

– Вообще-то у меня там личные вещи. Это моя квартира, и я не собираюсь менять ее ни на какие московские подвалы. – Нажимаю на звонок и жду, но ожидаемо в ответ тишина. – Да у меня даже одежды с собой нет, а ту, что на мне, ты всю разорвал! – возмущаюсь я и пинаю носком туфли закрытую дверь, едва сдерживаясь, чтобы не разрыдаться.

Зато Гончаров довольно улыбается. Хотя я не вижу причин для радости. Ни единой!

– Визитка моя у тебя есть. Адрес отеля ты знаешь. Когда амбалы из Москвы найдут тебя и повезут за город для частного разговора, забудь о моих предложениях. – Он разворачивается и идет по ступеням вниз.

Боже, и как теперь быть? Если стану шуметь на лестничной площадке, то соседка, повернутая на всю голову старуха, вызовет полицию, а после скандала будет распускать сплетни, что я выкинула из квартиры беременную сестру. О спокойной жизни в этом доме можно забыть навсегда. Или до тех пор, пока сумасшедшая бабка не отдаст концы. Да и заново в участок ехать как-то не хочется. Тем более в таком виде. Хватило одного раза. Достаточно.

В таком состоянии, как у меня, мозг и впрямь похож на желе. Ничего лучше не придумав, я спускаюсь вниз и подхожу к машине Гончарова. Открываю пассажирскую дверь и забираюсь на сиденье.

– А зачатки мозга все-таки имеются, – тянет он таким голосом, будто нарочно издевается. – Это радует. – Окидывает задумчивым взглядом мою блузку. – Приодеть бы тебя, чтобы прелестями не светила. Секса у меня давно не было.

Гончаров бесцеремонно кладет руку на мое колено, и я тут же вздрагиваю, собираясь выбежать на улицу, но хватка мужских пальцев становится сильнее, давая понять, что обратной дороги нет.

Все-таки я дура. Которая попала в безвыходную ситуацию и боится остаться один на один с кучей проблем.

– Не трясись. В Москву поедем. Там нас ждут великие дела. Ограбим несколько банков, вскроем счета нехороших людей, выйдем пару раз в свет, и будешь свободна, Бонни.

– Эта парочка плохо закончила. Я так не хочу. У меня в планах прожить долгую и счастливую жизнь.

– Замечательно. – Гончаров отпускает мою коленку и протягивает мне бутылку с виски. – Выпьешь всё до дна и сегодня точно не умрешь. По крайней мере, от моей руки.

– Что? – Я непонимающе на него смотрю.

– Я не психотерапевт и не психолог, душу мне изливать не надо. Выпей, чтобы не жужжать над ухом и не нервировать.

Становится до ужаса обидно от такого обращения и слов. А если я поговорить хочу?

– Тогда со мной лучше поступить, как с Куваевым. – Киваю на папку, которая лежит на заднем сиденье. – Заодно до спальни потом донесешь и сделаешь все, что тебе нужно, – намекаю на то, что интимом Гончаров займется со мной, только если я буду в бессознательном состоянии.

Он задерживает темные глаза на моей груди, а потом чувственные губы дергаются вверх в ухмылке:

– Донесу, милая, не переживай. Но чуть позже. Спать хочу, да и пьяные тела в полуистеричном состоянии я не трахаю.

6 глава

Глаза слипаются, как я хочу спать. Или это от дозы влитого в меня алкоголя. Ну а что, поводов выпить сегодня было предостаточно. Если так и дальше пойдет, то впору ехать кодироваться. Чувствую, компания этого мужчины пошатнет мое психическое здоровье. Можно было бы оказать Гончарову встречную услугу, но страшно, что его «друзья» из Москвы еще более отмороженные люди, чем он сам. В новые передряги попасть совсем не хочется.

– Нормально ты к ней присосалась. Балуешься периодами, да? – раздается над ухом голос Гончарова.

Еще и наглости хватает попрекать тем, что сам же сунул мне в руки бутылку.

– Здравствуйте, меня зовут Мария, и я алкоголичка, – стараюсь говорить бойким голосом, но выходит как-то не очень.

Даже напиться по-человечески не могу, потому что виски закончилось. А я хочу продолжения банкета.

– Ты помнишь, что попала на бабки и ведешь черную бухгалтерию у человека, которого я собираюсь посадить в тюрьму, а следовательно, и тебя может задеть рикошетом? – напоминает мне Гончаров на полном серьезе.

Проверяет степень моей адекватности? Всё ли у меня с ней хорошо? Просто замечательно с ней всё. Впрочем, как и с памятью. Даже когда я под градусом.

– Имей в виду, если прикоснешься ко мне, то я буду кричать и звать на помощь, понял?

Я и так из последних сил сдерживаюсь, чтобы не плакать и не причитать. И вовсе не потому, что мне пригрозили смертью, а потому что устала. Да и при посторонних людях показывать свои эмоции не хочу. Я не размазня. А если начну умышленно истерить, то оказаться на улице в таком потрепанном виде и без денег, да еще в ожидании встречи с людьми из Москвы... Ну нет, я вовсе не

дура, как думает обо мне Гончаров. И он еще обязательно пожалеет о своем решении поиметь с меня выгоду. «О-бя-за-тель-но», – даю себе обещание. Жаль, что в жизни мне ничего не достается просто так, и случившееся сегодня это только подтверждает.

– Тебе точно хватит. Уже мелешь всякую ерунду.

Похоже, последние слова я произнесла вслух.

– Хотя тут уже и так ничего нет, – хмыкает Гончаров, забрав пустую бутылку из моих рук, и бросает ее назад.

Кажется, она там не одна, судя по звону соприкоснувшихся стекляшек.

– Константин, а вы поэтому представились ненастоящим именем? Нам ведь предстоит вместе ходить в группу анонимных алкоголиков. Постеснялись, да? – намекаю я на залежи бутылок на заднем сиденье. – Вы, оказывается, тоже пьяница? – ерничаю, даже не пытаюсь это скрыть.

– Анонимных? Нет. Шифроваться – это не про меня. Идем. – Гончаров указывает мне на выход.

Я выбираюсь из машины и, пошатнувшись, понимаю, что спикирую сейчас на асфальт. Видимо, понимаю я это не одна, потому что сильные руки удерживают меня и прижимают к себе, едва успеваю сделать шаг.

– Ну и? Что не вопишь, как сирена? – спрашивает Гончаров.

– Сейчас я не буду кричать, – произношу, чувствуя, что кружится голова и немного подташнивает. – Кажется, в таком состоянии я смогу выдержать твои прикосновения. Но прижимать к себе крепче и приставать не советую, а то рубашку опять испачкаю: выпила сверх нормы. Кстати, сколько я тебе должна? С тебя причитается в тройном размере. За моральный ущерб. Я еще никогда так не напивалась, и меня никто до тебя не брал силой.

Слышится протяжный вздох, и объятия на моей талии становятся сильнее, причиняя ощутимую боль.

– И вообще, неужели ты думаешь, что это я всерьез с блузкой и декольте? Я полагала, что ты предложишь вечером встретиться, но я не приехала бы, ясно? У тебя, оказывается, ни жалости, ни совести, ни сердца не имеется. Еще и алкоголик. Вены покажи. А то, может, ты и наркоман ко всему прочему?

– Молнию на ширинке сейчас дерну вниз и другое покажу, если не заткнешься. Просто поразительно, как ты прошла собеседование в компанию к моему другу. Неужели они так сильно снизили планку отбора? Погоди, а ты на какую вакансию подавала анкету? Уборщицы?

– Всё ты прекрасно рассмотрел и знаешь, на какую должность. Еще и адрес мой запомнил, – произношу я заплетающимся языком, на что слышу короткий смешок, потому что выговорить длинные слова четко не получается.

Но зато появились бесстрашие и безразличие ко всему происходящему. Жаль, что это временное явление. Поутру мой героизм превратится в тыкву.

– Ничего, на будущее будет тебе урок, что инициатива наказуема.

Сил спорить нет, а в лифте меня окончательно вырубает, и глаза я открываю, когда меня кладут на кровать. Пытаюсь встать, – или это только мысленно – чтобы закрыть дверь в свою комнату, но, едва подняв голову от подушки, заваливаюсь обратно, чувствуя, как мне плохо. Сейчас и впрямь нет дела до того, что со мной сделает этот придурок. Да пусть и сексом займется. Только желательно, чтобы наутро я об этом не вспомнила.

В первую секунду после пробуждения темнота в номере кажется бездушной, но это обманчивое впечатление, потому что, повернув голову, я замечаю рядом спящего Гончарова.

Новый день сразу зарекомендовал себя не самым лучшим образом. Кажется, сегодня среда, если меня не подводит память.

Сажусь в кровати и осматриваю себя. Следов того, что меня раздевали и занимались со мной сексом, – нет. Между ног тоже не тянет и не болит. Это радует. Лишь немного ноют те места, к которым вчера Гончаров особенно интимно прикасался. Даже синяки появились.

Несколько мгновений я наблюдаю, как он спит на животе, свесив одну руку вниз, а вторую вытянув вдоль тела. Симпатичный же с виду мужчина. Пока рта не откроет и не начнет вести себя как скотина.

Выбравшись из-под одеяла, которым меня заботливо укрыли, я ищу свою сумочку с телефоном. Хочу проверить вызовы и набрать Зойку. А лучше бы, конечно, доехать и выцепить эту дуру, чтобы потребовать от нее объяснений и дубликат ключей. На какие шиши она будет жить и чем ипотеку платить, тоже не будет лишним спросить.

Сумочки и телефона не нахожу, но замечаю на столе бутылку виски. Это для меня? Я пить больше не буду. Но это не точно. Бесспорно, воспринимать действительность так оказалось гораздо проще и легче. Вспоминаю о словах Гончарова, что он не трахает пьяные тела. Намек, чтобы я сделала выбор до того, как он проснется? Решаю для начала принять душ, а потом еще раз вернуться к этому вопросу. Стараюсь делать все тихо, без лишнего шума. Из плюсов: номер шикарный и вид из окна открывается потрясающий. Из минусов: я без понятия, что меня ждет.

В ванной нахожу комплект полотенец, халат и тапочки. Отлично. После вчерашнего осмотра врачом я моюсь с особым наслаждением. Хотя прекрасно осознаю, что это чревато сексом с женщиной, которой спит сейчас в соседней комнате. Поэтому не задерживаюсь в душе надолго и тешу себя надеждами, что успею налакаться виски до того, как Гончаров проснется. Ну и должна признать, что есть определенная прелесть, в том, чтобы пить утром в среду. У меня давно не было отпуска. Почему бы не начать его таким образом? Будем считать, что я заслужила свой отдых. Пьяное кокетство барной шлюхи еще ни одного мужчину не возбуждало. Ни одного нормального мужчину. Судя по оболочке, Гончаров такой и есть? То, что не тронул меня вчера пьяненькую, подтверждает мои мысли.

Жаль, под рукой нет интернета, чтобы погуглить про этого человека. Мне важно понимать, что он из себя представляет. Сделав несколько глотков виски прямо из горла, я беру телефон Гончарова. Стоит графический ключ. Задумчиво прикусываю губу и вывожу пальцем тот, что недавно установила себе. Несколько мгновений моргаю, не веря, что получилось разблокировать телефон с первой попытки. Да ладно? У Константина Сергеевича такой же пароль, как у меня?

Может, оно и к лучшему.

Сначала набираю Зойку, а потом Дениса. Оба телефона недоступны. Сговорились они, что ли? Жутко бесит сложившаяся ситуация. Ладно бы мы работали с сестрой на равных и платили сообща за ипотеку, но ведь я всё тянула на своих плечах одна! Разве это справедливо?

Раз до сестры дозвониться не получается, я лезу в галерею телефона и смотрю последние снимки, чувствуя, что алкоголь ударил в голову, а по телу разливается приятное тепло. Ничего, кроме скриншотов с геолокацией из приложения карт, нет. В вызовах тоже ни одного подписанного номера. Только цифры.

Поворачиваюсь, чтобы посмотреть на этого спящего инкогнито и едва не роняю телефон из рук от неожиданности. Гончаров не спит, а, заложив руки за голову, наблюдает за мной с ухмылкой на лице.

– Шпионишь? Все, как я и думал? Подставная пташка? Сначала слезки попускала, теперь в оперативно-розыскную деятельность ударилась? И как? Что-нибудь интересное обнаружила? – В его хриплом после сна голосе отчетливо слышится ирония.

– У тебя такой же пароль стоит, как и на моем телефоне. Который ты куда-то спрятал. Если не веришь...

– В машине я оставил я твою сумку, – перебивает меня Гончаров на полуслове. – Но неужели тебе не показалось странным, что пароль идентичен твоему?

Меня осеняет догадкой, что он намеренно это сделал. И телефон в руках я держу как минимум временный. Или второй. Поэтому и данных в нем никаких нет. Да и быть не может.

– Я за тобой не шпионю. Сдался ты мне.

«Надо же, и впрямь дура. Попалась на такой нелепый развод», – ругаю себя, переводя глаза на грудь Гончарова, а потом чуть ниже. И, заметив оттопыренную простынь на уровне его паха, чувствую, как жар приливает к

щекам. Или это от принятого алкоголя?

Дрожащей рукой я возвращаю телефон на место и снова тянусь к бутылке. Делаю несколько больших глотков. В любом случае это плюс: если Гончаров начнет меня насиловать, то воспринимать действительность будет легче. А если этот придурок – человек слова, то он и не тронет пьяную девушку, так ведь? Кажется, Гончаров еще и истеричек не жалуется? Я тоже. Но ради него, так и быть, ею стану.

Только факт остается фактом. В номере, куда я пришла почти по своей воле, мы с Гончаровым одни, а его желания вполне очевидны и заметны. Даже невооруженным взглядом. Может, это, конечно, физиология, утренний стояк и сейчас у него все упадет и успокоится. А если нет?

– Прими холодный душ. Я не буду тебе помогать его успокаивать, – киваю я на эрекцию Гончарова, когда он встает, откинув простыню, и направляется в мою сторону.

Наступает медленно и смотрит гипнотизирующим взглядом, от которого тут же пересыхает во рту и сердце начинает колотиться на разрыв. Наверное, от страха, потому что в глазах Гончарова сейчас азарт и интерес.

Я опять прикладываюсь к бутылке. Машинально.

– Неужели так страшно? – хмыкает он.

На самом деле не особо, но говорю противоположное:

– Очень...

Гончаров забирает бутылку из моих рук и тоже делает глоток. А потом с силой поворачивает меня к себе и, наклонившись, пробует мои губы, оставляя на них терпкий вкус алкоголя. Чуть отстраняется, и вид у него такой, будто он испытал кайф от поцелуя. Должна признать, что не только он, но, скорее всего, это действие употребленного мной виски. Ну не может один нормальный человек хотеть другого в таких условиях. Не может!

– Значит, решила налакаться? Ну что же, давай попробуем дойти до одной кондиции, чтобы никому не было за себя стыдно.

Гончаров перемещает руки мне на плечи и, сжав их, заставляет меня встать.

– Тогда сходи еще за одной бутылкой, – шепчу я, силясь не дышать, потому что глаза напротив затягивают в свою дьявольскую воронку, а запах проникает внутрь, словно ядовитый дурман. Может, Гончаров виагру подсыпал в виски? – Не хочу, чтобы потом хоть что-то, кроме головной боли, напоминало мне о сексе с тобой. – Стараюсь, чтобы голос звучал по возможности ровно.

– Уже бегу, милая, – усмехается Гончаров и снова целует мои губы, словно оставляя на них раскаленное клеймо.

7 глава

– Стоп, стоп, стоп! Не так быстро, Костя, – прошу я. – А как же узнать друг друга поближе? – говорю первое, что приходит на ум, и пытаюсь отстраниться, но сильные руки лишь настойчивее прижимают, вызывая пожар в солнечном сплетении.

– Костя? – Я не вижу лица Гончарова, но чувствую, что он сейчас улыбается. – Еще ближе хочешь? – нежно шепчет на ухо.

Не покидает ощущение, что это какая-то очередная его проверка. Но судя по эрекции, Гончаров был бы не прочь меня поиметь. По-настоящему. Из-за его беспардонного поведения я чувствую себя как минимум девицей легкого поведения, которая оказывает интимные услуги за деньги и бесплатную выпивку. Надеюсь, это хороший виски, а не подделка?

– Ну хочешь, сама схожу за бутылкой? Того, что осталось, мне будет мало, чтобы расслабиться, – предлагаю я очередную глупость.

– В халате пойдешь? – усмехается Гончаров.

Да он точно издевается надо мной!

- Хватит! - Вырываюсь из мускулистых рук. - Я не могу так! Не могу! - сдают мои нервы.

Мне даже позволяют отойти на безопасное расстояние и не пытаются его сократить. Вальяжно расположившись на стуле, Гончаров опять прикладывается к бутылке и смотрит на меня чуть прищуренным взглядом, а потом вытирает рот тыльной стороной ладони.

- Не могу я так. Не могу, - передразнивает он с ухмылкой на лице, чем раздражает еще сильнее. - А как можешь? - Игриво приподнимает бровь.

- У тебя сегодня встреча со следователем, а потом с людьми из Москвы, - напоминаю ему, не сводя глаз с его лица. Дышу через раз, не веря, что меня отпустили и больше не трогают.

- Одно другому не мешает. Разговор в двух местах предстоит неформальный. А мне желательно ехать на эти мероприятия не с горячей головой. Вот я ее и охлаждаю. Как умею.

Гончаров окидывает меня с ног до головы таким взглядом, что и сама не понимаю: на меня так действует алкоголь или настойчивость этого мужчины? Денис ведь совсем другой, обычно я была инициатором близости между нами, а здесь разрыв шаблона.

- Вообще-то люди сначала разговаривают, а потом в постели пересекаются. Даже в клубе это происходит иначе. А не так, чтобы к тебе подошли, облапали, как товар в витрине магазина, и взяли с собой. Или просто взяли.

- Ну, допустим, товар я посмотрел и пощупал, он мне подошел, поэтому я взял его с собой. - Костя лениво зевает. - Однако хочу напомнить, что у тебя, милая, куча провисов, и я не готов закрывать на них глаза, потому что ему... - кивает он на свой вздыбленный пах, - судя по всему, ты понравилась. Вон сколько знаков внимания оказывает со вчерашнего дня. Силой тебя брать, конечно, не хотелось бы, но и долгие уговоры меня утомляют. Да и ты уже, как мы выяснили вчера у врача, не девственница и явно не тянешь на невинную жертву половой дискриминации. Жених тебя бросил, работу потеряла. Так что я отнюдь не

плохая альтернатива, чтобы помочь забыть о проблемах. А если очень постараться и не будешь бревном в постели, то я еще и ключик к их решению. Считай, что тебе повезло, Мальвина, а то сидела бы сейчас в темнице с частыми решетками, и никто там церемониться с тобой уже не стал бы. – Произнеся свою речь, Гончаров поднимается со стула и идет в сторону ванной.

– Бревном? – бросаю ему вслед. – То есть я еще должна показывать мастер-класс в постели, чтобы тебе понравилось?

– Да, – уверенно отвечает он.

Никак не пойму, что в голове у этого человека. Меняет поведение, словно хамелеон расцветку. И что самое интересное, реакции моего тела такие же противоречивые на «знаки внимания» Гончарова и его нижнего товарища. Это все из-за Дениса! Если бы он как следует уделял внимание мне, а не моей сестре, то я в жизни бы не допустила подобных мыслей. Иметь в моем возрасте секс раз в месяц – это же ненормально!

Да, Машунь, ты выпей еще немного виски и сходи в душ к Гончарову. Помой спинку этому придурку, который ко всему прочему еще и оперный певец: поет так громко, что хоть и впрямь забегай в ванную и проси его сбавить обороты.

Или Гончаров делает это мне назло? Нет бы проявить чуткость и внимание, чтобы расположить к себе, а он ведет себя как похотливый мерзавец. Удивительно, что не полез ко мне в трусы, а оставил в покое. Или тоже недостаточно выпил и у нас еще все впереди?

Костя выходит из душа в одном полотенце, обмотав им бедра. Волосы влажные, на груди минимум растительности, зато на лице видна щетина, и ему определенно так идет больше. Гончаров проходит через всю комнату к шкафу и достает оттуда рубашку и брюки, насвистывая какую-то знакомую мелодию. Сбрасывает с себя полотенце на пол и как ни в чем ни бывало, словно меня нет в этой комнате, продолжает свои сборы. Друг его, который находится чуть ниже пояса, уже не так вызывающе себя ведет, хотя размеры все равно внушительные и повергают в легкий шок. Будь я трезва – уже отвернулась бы, но сейчас не могу отвести глаз от этой картины. Проклятое пьянство. Точно до добра не доведет.

- В ванной был еще один халат, - замечаю ледяным тоном.

- Мне не холодно, спасибо, - отзывается Гончаров.

Слегка поворачивается в мою сторону и приподнимает уголки губ, заметив, что я больше не притронулась к бутылке.

- Вечером вернусь не один, а со столичным другом. Стриптиз, надеюсь, танцевать умеешь?

Почему-то становится дурно от его слов.

- С другом? - сипло переспрашиваю я.

- Может, вдвоем у нас получится найти к тебе подход и ты станешь сговорчивее? - произносит Гончаров как будто себе под нос, но нарочито громко, чтобы и я тоже услышала. - Я ведь давал тебе время и возможность сделать выбор? К сожалению, ты ими не воспользовалась.

Козел! Он решил меня по кругу пустить? Позвать незнакомого мне человека и вместе с ним...

- Я не буду тебя ублажать. И твоих друзей тоже! Напьюсь вусмерть, чтобы ничего не помнить и не отдавать отчета своим действиям. Только в таком состоянии сможете овладеть мной. А лучше другую женщину себе приведите, которая на всё будет согласна. Оставь меня в покое, слышишь?

- Вполне отчетливо.

Гончаров медленно приближается ко мне, застегивая рубашку, и смотрит таким взглядом, что пересыхает во рту. От страха, смятения, от непонятной дрожи, которая охватывает все тело.

- А если на другую у меня не встанет? Что тогда делать?

В глазах напротив всепоглощающая темнота. Я еще никогда не видела таких огромных и завораживающих зрачков.

– Потрогать ее так же, как и меня вчера, – огрызаюсь в ответ.

– Времени у меня мало других трогать. – Гончаров обхватывает ладонью мой затылок и притягивает меня к себе. – Ну и что ты так переживаешь? Где раз, там и второй. С первого я все равно тебя не распробую и захочу повторить. А вот это лишнее. – Он убирает бутылку, когда замечает, что я снова к ней тянусь, и треплет меня по щеке, словно я его домашняя зверушка. – Хватит пить, милая. А то болтаешь без умолку. Подобное я не жалую.

– Убери. От. Меня. Руки. – цежу сквозь стиснутые зубы.

Гончаров хищно скалится, но делает так, как я прошу.

– Кстати, это твой, – кивает на телефон, с которого я недавно пыталась звонить сестре, а потом и Денису. – Тот, что остался в сумке, с сегодняшнего дня будет, скорее всего, на прослушке. Напоминаю, что глупости делать не нужно, у тебя на горизонте маячат серьезные проблемы, милая. И запомни: только в моих силах их разрулить и помочь тебе избежать тюрьмы. Насчет друга я тоже не пошутил. Часика через три... – Он поднимает запястье и смотрит на циферблат своих дорогих часов, – наверное, даже через два, мы вернемся в номер. По такому случаю могу и шампанского захватить, хочешь?

Открываю рот, чтобы съязвить, но Гончаров отрицательно качает головой, каким-то образом снова прочитав мои мысли. Но сейчас мне плевать на его молчаливые предупреждения.

– Да пошел ты! Я не буду спать ни с тобой, ни с твоим другом. Извращенец! – Гордо вздергиваю подбородок и едва сдерживаюсь, чтобы не выхватить бутылку из рук Гончарова.

Так охота заехать ею промеж его глаз. Он этого заслуживает. И даже больше.

– Ладно, будем считать, что это твое: «Да, я согласна». Если что, я тоже. – Гончаров подмигивает мне и направляется на выход.

Вот теперь действительно становится страшно. И передо мной вновь возникает выбор: остаться в номере или сбежать. А куда бежать? Мой адрес Гончаров

знает. Не удивлюсь, если все обо мне знает. Подставлять девчонок хочется в последнюю очередь, потому что за мной действительно есть грехи. С законодательной точки зрения, к проводкам и документации не подкопаешься, но откуда мне знать, как вывернет следователь мою работу с подачи Гончарова? Тогда дело может принять совсем иной оборот. А еще этот придурок обещал привести друга. Куда ни шло ублажать эту скотину одного, но их вдвоем... Ни за что! Надеюсь, Константин Сергеевич пошутил и просто сгустил краски, запугивая меня в отместку за мой дерзкий язык.

Нервы, натянутые до предела, все же дают сбой, и я иду к двери. Пытаюсь ее открыть, но она не поддается. Разве в номерах возможно полностью блокировать замки? Однако сбежать я бы все равно не решилась. Почему-то уверена, что люди, которые стоят за Куваевым, могут организовать мне куда больше проблем, чем сам Гончаров.

Проходит два часа, а потом я слышу звук открывающейся двери и мужские голоса. Господи, неужели этот придурок не пошутил и пустит меня сейчас по кругу?

Окинув комнату быстрым взглядом и все еще не веря, что это происходит со мной по-настоящему, я хватаю в руки настольную лампу с тумбочки и, прижавшись к стене, принимаю оборонительную стойку.

8 глава

– Машенька, милая, я вернулся, – разносится мужественный бас Гончарова по номеру. – Где ты, солнышко?

Вернулся он, кто бы сомневался. Сердце нервно сжимается при мысли, что не один пришел, а с каким-то мужиком, как и обещал. И никакое я не солнышко. Еще буквально вчера меня обзывали дурой. К чему сейчас этот фарс?

Первым в комнате появляется Гончаров. Взгляд у него такой, будто он опять прибухнул, а в руках – две бутылки шампанского и меховые наручники розового цвета. Мог бы и не забирать у меня виски: я не прочь получить новую дозу

пофигизма и безразличия. Которого почти не осталось.

Симпатичный молодой человек останавливается в дверном проеме, и мы с ним пересекаемся взглядами. Незнакомец, заметив мою оборонительную стойку и лампу в дрожащих руках, переводит озадаченно вытянутое лицо на Гончарова.

– Я предупреждал, Мирон, что у моей девочки психологическая травма после предыдущего места работы, – как ни в чем не бывало пожимает плечом Гончаров, с усмешкой наблюдая за моими попытками защитить свою честь. – Босс ее грязно домогался, и теперь Машенька настороженно относится ко всем незнакомым людям. Отчасти этого козла я даже понимаю: вон какая чистая и непорочная красавица у него перед носом кружила. Как тут было удержаться. – Костя бросает наручники на кровать и ставит бутылки на пол, игриво мне подмигивая. – Но теперь эта тварь надолго сядет. И надеюсь, больше не выйдет, да? – адресует он последний вопрос своему гостю.

Тот утвердительно кивает в ответ.

Не знаю, как я еще не спикировала на пол, но мысли уже с трудом ворочаются в голове. Не понимаю, что происходит.

Гость Гончарова тоже замечает, что мне нехорошо.

– Костя, кажется, твоей супруге плохо, она в обморок не упадет? Погоди, а вы случаем... не в положении?

Кому-кому? Супруге? В положении?

Гончаров уверенной походкой проходит через всю комнату и забирает лампу из моих рук. Вид у него уже не такой одухотворенный. И улыбка похожа на волчий оскал.

– Не вздумай, милая, это же еще одна уголовная статья. Если мне навредишь, кто тебя потом от проблем отмажет? Мирон – женатый человек, буйные девушки его не привлекают, – доносится до меня зловещий шепот, такой тихий, чтобы кроме нас двоих никто этих слов не услышал.

– Нет, мы не в положении, Мирон. У Маши умерла бабушка, сестра козни с квартирой строит. После череды не самых приятных событий у нее эмоциональный стресс.

Костя ставит лампу на место и, отодрав меня от стены, обнимает за талию и ведет к креслу.

– Психолог говорит, что нам необходимо смещать акценты на путешествия и интимные отношения, – кивает он на меховые наручники, которые лежат на кровати. – Вот мы и работаем над этим.

В такой ситуации размышлять получается плохо. Пусть алкоголь из меня и выветрился, но, похоже, еще не весь. Мыслительные процессы притормаживают.

– И правда неважно выглядишь. – Гончаров поправляет халат на моей груди и целует в макушку. – Ну ничего, сейчас гостя проводим и применим по назначению эту вещицу, поднимем твой боевой дух, – говорит он опять тихо, чтобы только я услышала. – Садись, – кивает на кресло.

– Ну раз всё в порядке, то давайте ускоримся. У меня через два часа самолет. Лыков заверит остальную часть документов с Багдасаровыми. Там всё в силе? Или тоже будут какие-то изменения?

– Там всё, как и договаривались, – отвечает Гончаров. – По бумагам проведешь двойные суммы, а по факту отдашь те, что я указал. Бонус за то, что сюда приехал и помог мне с Куваевым вопрос решить, Рафаэль оставит для тебя в ячейке.

Мирон молча открывает папку, перебирает бумаги, а потом кладет несколько листов на стол с серьезным выражением лица.

– Подписывайте, Мария Анатольевна.

– Что это?

Поднимаю голову к лицу Гончарова и только сейчас замечаю, что Костя выглядит уставшим и глаза у него не пьяные, а безразличные. Я бы даже

сказала безжизненные.

– Почитай, Машенька, – ласково произносит он, но, как по мне, сильно переигрывает с заботой.

Что за спектакль он устроил? Пусть еще на колени упадет и в любви начнет признаваться для достоверности.

– Кость, а твоя благоверная в курсе, что ты наблюдаешься...

– Конечно, в курсе, – перебивает Гончаров своего гостя. – Но Маша все равно ответила взаимностью, даже узнав о моем страшном диагнозе.

Диагноз? То-то я заметила, что у Гончарова не всё в порядке с головой. Иметь с ней проблемы действительно страшно.

Беру в руки документы и пробегаюсь глазами по ровным строчкам. С первого раза уложить их содержание в голове не получается. Язык официальный и сухой, сразу видно, что поработал профессионал. Не понимаю, что за ересь мне подсунули и зачем Гончарову брачный контракт? Еще и завещание от моего лица составил.

Я пораженно выдыхаю, качая головой, и наконец пазл складывается.

– Подписывай, все грамотно составлено. Без каких-либо подводных камней. Дела я привык вести по закону и партнеров не подставляю. В том числе и по браку, – обращается ко мне Гончаров, и взгляд у него сейчас такой, что мурашки бегут по коже. – Ну и инициативы от тебя ноль. Кто-то должен сделать шаг навстречу.

Партнер по браку? Судя по меховым наручникам на кровати, это и есть его шаг навстречу? И третий в нашей постели? Ну-ну. Помечтайте, Константин Сергеевич.

Снова опускаю глаза и читаю документы. По третьему кругу. Сфера влияния Гончарова поражает масштабами. Зато теперь я знаю, для чего Костя разыграл этот дешевый спектакль перед московским гостем, которого привел в номер.

– Зачем же так торопиться? Мне ведь не нужны от тебя деньги, любимый. –
Прожигаю Гончарова долгим взглядом.

Его губы трогает едва заметная усмешка. Но мне почему-то не до смеха. Грудь
опалает новый приступ учащенного сердцебиения.

– Это формальность. На наши чувства друг к другу это ничуть не повлияет.

Между нами повисает давящая тишина. Я пытаюсь анализировать последующий
ход событий, но в голове каша.

Ставя свою подпись на бумагах, ловлю себя на мысли, что заключила сделку с
дьяволом. Ну и заодно подмахнула себе смертный приговор, то есть брачный.
Надеюсь, это и впрямь временно и Гончаров таким образом хочет по-быстрому
провернуть какие-то свои дела, а потом отпустит меня. Даже не знаю, что
лучше: тюрьма или общество этого придурка, который теперь официально
вправе потребовать от меня исполнения супружеского долга. Хотя
завуалированно пообещал, что принуждать к сексу не станет и на наших
чувствах друг к другу это не отразится.

– Всё... – Отдаю документы гостю Гончарова.

Мирон еще раз пробегаются по ним глазами.

– Замечательно, – удовлетворенно кивает. – Не верится, что ты теперь женатый
человек, Константин Сергеевич. И когда всё успеваешь?

– Тогда, – произносит Гончаров ледяным тоном и присаживается на край
кровати. Берет наручники и крутит их в руках. – Новость особо не афишируй. Ты
в курсе, что я не люблю шумиху вокруг своего имени и стараюсь сдерживать
потoki информации. Если в массы это вдруг просочится и кто-то узнает о моей
новоиспеченной молодой супруге, да еще с таким приданым... Сам понимаешь,
чем чреватые подобные вещи. Так что держи язык за зубами.

– Все останется между нами, – заверяет Мирон. – Еще раз поздравляю. И вас,
Мария.

Он собирает бумаги со стола, оставляя для меня дубликат брачного договора, и поднимается на ноги.

– Без меня праздник не начинай. – Гончаров кивает на бутылки, быстро подмигивает и идет провожать своего гостя.

Кости нет от силы минут пятнадцать, за которые я не могу пошевелить ни одной конечностью, а просто смотрю невидящим взглядом на бумаги. В голове уложить не получается, что моя жизнь рухнет на глазах, а я толком ничего не могу с этим сделать.

Услышав, как хлопает входная дверь, снова перевожу взгляд на лампу на прикроватной тумбочке. А может, правда ударить Гончарова со всей силы по голове, чтобы у него мозги встали на место? Разве можно так с людьми поступать, как он это делает?

– Что все это значит? – Стараюсь говорить, чтобы голос не выдавал того, как сильно я волнуюсь. – Грозишь мне уголовными статьями, а сам?..

– Ты же прочла документы. Все нотариально заверено. С точки зрения закона, я чист. Ты теперь тоже. Можешь расслабиться и получать от жизни удовольствие. Благо средства тебе это позволяют. Как и отписать сестре свои ипотечные проблемы.

– И при каких же обстоятельствах я успела стать твоей женой? До вчерашнего дня я даже не знала о твоём существовании.

Гончаров не спеша проходит через весь номер и останавливается у кровати.

– Я часто мотался в ваш город в последнее время. В одну из поездок ты ответила мне взаимностью и мы сходили в загс. Ты же читала документы? Или на радостях, что теперь не нищая оборванка, не стала вдаваться в подробности? – Он нахально усмехается.

– На радостях? – переспрашиваю я, пытаюсь сохранять спокойствие, но с каждой минутой это получается все хуже и хуже.

А когда Гончаров берет с кровати наручники и неторопливо подходит ко мне, нависая тенью, в животе образуется неприятный ком. Присев на корточки, Костя заключает мои запястья в розовые кандалы и довольно улыбается. Пока я безуспешно борюсь с собой, пытаюсь подавить внутри зарождающуюся панику и протест.

- Сейчас у нас по плану супружеский долг, милая. С какой позы начнем? Давай сзади? Тебе же не особо приятно на меня смотреть?

- Ты...

- Поаккуратнее с выражениями, - обрывает меня Гончаров и выпрямляется. Дергает к себе и прижимает к своему твердому телу. - Если доконаешь меня, то с тобой может произойти несчастный случай и мне придется искать экземпляр поговорчивее.

Сейчас в его голосе сквозит превосходство. Упивается тем, что сильнее и поставил меня в безвыходное положение?

Я щурю глаза и копирую оттенки металла в его тоне:

- Тебе прекрасно известно, почему я подписала этот бред, - киваю на стопку документов. - И про секс там не было написано ни слова. Тем более про твои извращенные предпочтения.

- Не было, - соглашается Гончаров. - И не будет такого в официальных документах, потому что я не привык выставлять свою личную жизнь напоказ. Но тебе, так и быть, покажу сейчас парочку своих предпочтений.

- С чего ты взял, что я стану выполнять твои странные прихоти? - Дергаюсь в сильных руках и хочу отойти, но Гончаров не позволяет мне этого сделать.

- Уже одну выполнила, подписав стопку бумажек. А я почти тебя взял. - Костя давит взглядом сверху и, закинув мои руки в меховых наручниках себе за голову, ведет нас к кровати и сваливает на нее.

Я уворачиваюсь от настойчивых губ, которые берут мои в плен. Снова и снова, будто Гончаров поставил перед собой цель сломить сопротивление. Он ведет огрубевшими ладонями по моим бедрам и сжимает ягодицы. Ситуация опять из ряда вон. Так откровенно меня еще никто не домогался и не лапал. Причем второй вечер подряд. Я не против близости, всё у Кости по плану: брак, контракт, супружеский долг. Но как можно заниматься сексом без чувств, даже без намека хотя бы на симпатию?

Впрочем, с последним есть сложности. Телу нравятся уверенные ласки этого мужчины. Но я все равно не могу расслабиться. Да и ситуация к тому не располагает, особенно эрекция Гончарова, которая упирается сейчас мне в живот. И еще это завещание... Может, Костя одним махом решил избавиться от множества проблем, в числе которых теперь и я? Поэтому и ведет себя подобным бесцеремонным образом?

– Денис, пожалуйста, хватит... – выдыхаю, извиваясь змеей под Гончаровым от его ласк, но тщетно.

Ноль реакции, что я назвала его другим именем. Хотя нет, небольшая есть.

Костя прекращает сжимать мои ягодицы и с интересом заглядывает в лицо.

– Похер, Маша, – улыбается он. – Не прокатит такая шалость. Расслабься. – Он снова упирается в меня своей эрекцией. – Ты же не хочешь, чтобы в нашу брачную ночь я пошел искать блядей на стороне, а потом привел одну из них на супружеское ложе?

– Кровать в гостиничном номере – это, по-твоему, супружеское ложе? Кстати, про блядей. Меня вчера врач осмотрел, и ты уже, наверное, видел мою медицинскую карту с работы, мы недавно проходили диспансеризацию. А у тебя с этим как обстоят дела? – предпринимаю еще одну попытку остановить мчащийся на всей скорости состав «Константин Сергеевич», который так и норовит меня протаранить и зацепить своим крюком мой вагон.

– Презерватив. И только он, Машенька. В заднем кармане брюк лежит несколько. Я вернулся с комплектом донжуана, заметила? И медкарту твою видел. Только никакой диспансеризации не было, ты одна бегала по врачам, милая.

– В смысле?

– В прямом. Под Куваевым бы сейчас лежала, если бы я не вмешался. – Костя снова впечатывается в мои губы.

Не мужчина, а какой-то демон. С виду хладнокровный, приятная внешность, но когда смотрит своим притягательным глубоким взглядом и целует, то сердце сжимается в груди.

– А как же конфетно-букетный период и ухаживания?

– Никогда подобным не занимался.

– Я ведь влюблюсь. А ты разобьешь мне сердце.

– Это будут только твои разбитые надежды, милая. Мне все равно.

– Я ненавижу секс.

– Придется убедить тебя в обратном.

– А как же на раз?

– Так и было, когда ты неумело пыталась обольстить меня у кафе, демонстрируя свои сиськи в той дешевой застиранной блузке. Это нисколько не заинтересовало. Но вот когда ты в ресторане появилась и я дал тебе второй шанс, потрогав предложенные тобой прелести, то планы немного изменились.

Звучит так, будто Гончаров опять надо мной издевается.

– Почему-то меня завел злой блеск в твоих глазах. Обычно наоборот все происходит, женщины моего внимания настойчиво добиваются, а здесь разрыв

шаблона. Ну и в твоём положении, милая, нужно быть благодарной, а не показывать свои острые зубки. Оказывается, черную бухгалтерию компании, где ты работаешь, ведет не кто иной, как ты. Я всё выяснил, Машенька. Поэтому сбавь градус сопротивления, а то вместо свадебных фоток будет тебе фотосессия в профиль и анфас в ближайшем полицейском участке.

У меня нет ни грамма страха. Рано или поздно ружье, которое висело на стене, обязательно бы выстрелило. И в моем случае пусть убьет меня так, а не при других обстоятельствах. То есть фиктивный брак с этим придурком куда лучший вариант, чем тюрьма и реальный срок.

– И после всего, что ты на меня накопал, все равно женился? – Не получается не ерничать. – Неужели так сиськи понравилось щупать?

– Возможно, – довольно хмыкает Гончаров. – Ну и как ты, наверное, знаешь, любовь зла. – Он опять начинает терзать мои губы и творит что-то невообразимое с языком.

– Нет никакой любви! Прекрати! Твой юрист, или нотариус, уже ушел, – взвиваюсь я, чувствуя, что мне начинает нравиться происходящее между нами безумство. Эта игра и впрямь затягивает. Вот только кем я буду себя ощущать, поддавшись этому негодю? – Во что ты меня втянул? – Сдавливаю шею Кости руками изо всех сил.

– Я замышляю не очень хорошие дела, Машенька, и не готов делиться с врагами тем, что заработал своим горбом и здоровьем. Завтра вечером будем в Москве, кое-что еще на тебя перепишем, побудешь немного примерной женой. Как станет совсем неспокойно в моем государстве, подашь документы на развод и поедешь за границу. На том и разбежимся. А пока хватит разговоров. Поцелуй меня. Сама.

Вместо поцелуя я кусаю Гончарова за нижнюю губу.

– Надо было изначально искать жену поговорчивее, – произношу обманчиво ласково.

– Да, – соглашается Костя, ухмыляясь и слизывая с губы красную дорожку. – Точно не прогадал. Это и впрямь заводит сильнее, чем готовые и на всё

доступные экземпляры.

- Ты... Ты...

Но договорить не дают собственные эмоции. Я захлебываюсь звуками, когда Гончаров опускает ладонь мне на лобок и касается пальцами плоти. Щеки тут же вспыхивают, да что там – пылают. То, как Костя трогает и какие слова при этом нашептывает на ухо, заставляет смущаться, словно я неопытная девственница, у которой сейчас случится ее первый раз.

- Сколько мужчин у тебя было до мужа, Машенька? – Гончаров опять отстраняется от меня и смотрит в лицо хмельным взглядом.

Божечки, да он и впрямь кайфует от того, что я сопротивляюсь? Вот и ключик к этому проходимцу.

- Это так важно?

- Не особо. Просто интересно. Выбираю стратегию поведения.

- Много. Очень много, – тут же лепечу я в надежде, что его это оттолкнет.

Но брачный контракт, мой дерзкий язык и Костина Венера в овне не оставляют никакого шанса.

- Да? А так дрожишь подо мной и отзываешься на простую ласку, словно тебя год никто не трахал. Точно про жениха не наврала?

Наврала. Не год, конечно. Почти месяц не было секса: то я в офисе допоздна засижусь, то Денис в командировку уедет. Правда, в промежутках он как-то успел Зойке уделить внимание и сделать ребенка. Но думать о бывшем в такой момент – это последнее, чего я хочу.

- Двое, – решаю сознаться и сбавить градус сопротивления, раз Гончарова это так заводит. – Моей первой любовью был парень из института, а потом случился Денис.

– Тот самый, от которого беременна твоя сестра?

Я киваю.

– А с парнем из института что? Почему разбежались? – В глазах напротив опять вспыхивает интерес.

– Он в Москву уехал работать, очень способный был молодой человек. Выбрал карьеру, а не меня. Поэтому наши пути разошлись.

– И наши разойдутся, не переживай, – произносит с иронией Гончаров и опять целует, но уже с языком, вызывая новую волну дрожи во всем теле.

Ласки становятся увереннее, Костя проводит ладонью по моему животу и сжимает грудь. Его движениям совсем ничего не мешает: мои руки заключены в розовые кандалы. Но когда он внезапно останавливается, я разочарованно дышу, представляя, что еще чуть-чуть, и Гончаров бы растягивал меня под свой впечатляющий размер.

– У тебя месячные, – говорит он низким и хриплым голосом.

Его эрекция меньше не становится, на крупной шее выступают вены, лоб покрыт бисеринками пота, челюсти сдавлены, а глаза мечут молнии.

И это в самый ответственный момент? Когда я уже настроилась стать женой в прямом и переносном смысле этого слова?

– Замечательно, – вырывается у меня удовлетворенным шепотом, но это напускное. Я вовсе не довольна сложившимися обстоятельствами. – Неделю можешь провести вне стен этой спальни. Ты же не думал, что брак – это всегда доступный секс? Бывают перерывы, а еще жены-мегеры попадают, у которых часто болит голова. Закажи мне поесть и купи прокладок с трусами, раз ты теперь мой муж. Клятв мы не давали друг другу, но сам помнишь, да? В болезни и здравии и так далее...

Я прекрасно отдаю отчет своим действиям – снова провоцирую. Но в этот момент думаю о том, что теперь точно не подпущу к себе Гончарова. Будь он мне

трижды муж, а я – четырежды виновата в том, что веду черную бухгалтерию компании, где проработала последние несколько лет, чтобы заработать хоть какую-то копейку и купить нам с Зойкой нормальное жилье.

– Жены-мегеры, у которых часто болит голова? – Гончаров тянется в задний карман брюк и извлекает из него серебристый квадратик.

Проводит им у меня перед глазами пару раз, словно я никогда до этого не видела презервативов.

– В другом месте у тебя будет болеть, Машенька.

Смысл его слов моментально доходит до меня, потому что Костя собирается продолжать: ведет оберткой по краю моей груди, очерчивает сосок и спускается к животу. А потом наклоняется к лицу и жадно атакует мой рот своим языком, заставляя бедра приподниматься навстречу.

Если до этой минуты происходящее между нами и впрямь воспринималось как игра, то сейчас хочется, чтобы она прекратилась, потому что меня захлестывает эмоциями.

10 глава

Мне должно быть стыдно за происходящее между мной и Гончаровым, но чувства совсем другие. Я не настаивала на помощи, да и то, что он для меня делает, лишь условно можно назвать этим словом. Себе Костя жизнь упрощает, но никак не мне. Однако то, что вытворяет пальцами внизу, описывая круги и приятно надавливая на клитор, не позволяет сказать ему: «Убери от меня руки». Вот совсем не позволяет, потому что я почти не владею своим телом и хочу получить разрядку. Но Гончаров пусть как-нибудь без нее обойдется. Закачу ему истерику в конце, что он извращенец и насильник. Будет его плата за ущерб, который он наносит моей психике. Возможно, после бутылки шампанского я переменю свое решение, раз месячные Костю не пугают. А пока настроена категорично.

Как и Гончаров. Он притягивает меня ближе, гладит мои складки и опять надавливает на клитор, потом возвращается к узкому входу и вторгается в меня пальцем. Я кусаю губы, чтобы изо рта не вырвались стоны. Контролировать себя становится все сложнее, потому что я близка к развязке, после которой Костю будет ждать бурная истерика. Но от острых ощущений, которых я до этого дня ни с кем и никогда не испытывала, даже занимаясь самоудовлетворением, перед глазами рассыпаются искры. Трясет, словно дотронулась до оголенного провода и вот-вот лишусь жизни. Мне так хорошо, что пропускаю момент, когда Костя дергает с себя брюки вместе с бельем вниз и раскатывает презерватив по члену, продолжая полностью погружать в меня палец и покидая мое тело.

Ненавижу тебя, Денис. За Зойку. За наш редкий секс. За то, что бросил меня.

Но все мысли покидают голову, когда накрывает волной наслаждения. Я разрываюсь на тысячи осколков от оргазма, после которого собираюсь начать свою псевдоистеричку, чтобы обломать кайф Гончарову, но меня заполняет что-то объемное и явно большее, чем палец, а рот запечатывают грубым поцелуем.

Гончаров не торопится двигаться, ждет, когда я немного прихожу в себя и перестаю так сильно пульсировать вокруг его члена, а потом целует мою шею. Облизывает ключицы и накрывает своим телом, соприкасаясь с моей грудью.

Какой негодяй, даже толком не разделся, лишь спустил брюки с бельем и расстегнул рубашку.

– Явно не прогадал с выбором, – слышится удовлетворенный шепот мне на ухо, который обжигает нежную кожу.

План закатить истерику проваливается с треском. Но я обещаю себе, что, когда Костя закончит начатое, он получит свое сполна. Так я думаю ровно до того момента, пока Гончаров не начинает таранить меня очередью толчков. Ничего не остается, как расслабить спину, облегчая ему доступ и глубину проникновения.

Кажется, этот маньяк не пошутил, когда сказал, что у него давно не было секса, потому что ведет себя словно одичалый. Ну хоть что-то на двоих у нас есть общее. У меня тоже давно не было секса, а такого – никогда. Окончательно себя

отпускаю, потому что хочу получить еще одну дозу того запредельного кайфа, который испытала несколько мгновений назад.

- Еще, - глухо прошу я, когда Костя ненадолго прерывается проверить, не порвался ли презерватив, и тут же прикусываю свой поганый язык.

Совсем спятила? Прошу этого негодяя, чтобы трахал меня, как бездушную куклу?

- Еще, Машенька? - улыбается Костя и загоняет в меня член до самого основания, заставляя дрожать, потому что перед глазами снова рассыпаются искры, а по венам течет безумие.

Меня трясет с такой силой, будто за пару секунд температура тела поднялась до сорока градусов. Кажется, еще чуть-чуть - и я отключусь. Новый оргазм лишает последних сил.

Весь жар сейчас сконцентрировался внизу. Мне хорошо. И ни капли не стыдно за происходящее. Наверное, Гончаров точно что-то подмешал в алкоголь. Поэтому и спаивал меня два дня, чтобы я мягче воспринимала действительность?

Несколько секунд уходит на то, чтобы восстановить дыхание и решить, готова ли я устроить Косте истерику из-за того, что так бесцеремонно воспользовался моим телом. Понимаю, что с удовольствием бы получила еще один оргазм и, насытившись, легла спать.

- Всё или ты еще недостаточно надругался над моим телом? - произношу с издевкой, еле шевеля языком.

- Надругался? - хмыкает Костя и трется щекой о мою щеку, продолжая пульсировать во мне.

- Если бы могла, то и на тебя написала бы заявление об изнасиловании.

Костя тяжело дышит и после оргазма не торопится избавить меня от своего присутствия. Жаль, я обессилена и не могу добраться до шампанского, да и руки, заключенные в наручники, не позволят это сделать, но с радостью бы

взяла бутылку и ударила Гончарова по голове.

- Неужели так не понравилось? - хрипло интересуется он.

- Нет. Не понравилось, - вру я.

Костя аккуратно выходит из меня и снимает презерватив, а потом тянется в карман брюк за новым. Его огромный член тут же оживает и подергивается, явно желая продолжения.

- Сейчас повторим или позже?

Конечно же, сейчас. Только не так, как ты думаешь, Костя.

Приходится вспомнить не самые лучшие моменты своей жизни, и к горлу тут же подкатывает огромный ком. Я и так нахожусь на пике эмоций - заменить их другими очень легко в такой ситуации. Из глаз текут слезы, и остается лишь включить актрису, которой я всегда мечтала стать, но не задалось. Для поступления в театральный не хватило денег, а у меня, как позже выяснилось, и в другой области проявились способности.

- Маша, прекращай, - невозмутимо произносит Гончаров, заметив мои слезы. - Ты поздно начала истерить. Надо было до, а не после.

- Ты всем девушкам, которых изнасиловал, так говоришь? - Я громко всхлипываю.

- Блядь. - Костя тяжело вздыхает, оставляя меня в покое.

Встает с кровати и начинает снимать с себя рубашку, пока я, уткнувшись в ладони, наблюдаю за ним сквозь маленькую щель между пальцами. Розовый мех приятно щекочет кожу, и я едва сдерживаюсь, чтобы не засмеяться, потому что и впрямь смешно. Но все веселье сходит на нет, когда чувствую, что меня отрывают от постели и куда-то несут.

- Что ты делаешь? Хватит! Поставь меня на ноги. - Стучу по обнаженной широкой груди Гончарова кулаками.

Но Костя отпускает меня, лишь когда мы оказываемся в душевой кабине.

– Знал бы, купил бы кляп и еще одни наручники. Для ног. Ведешь себя, как взбесившийся пони. И явно переигрываешь, как и в тот вечер, когда поцарапала мою машину. А я, между прочим, ее только что купил. Из салона забрал и в ваш Задрипинск на ней поехал.

– Кстати, – обреченно вздыхаю я, – она ведь теперь моя? И судя по тем бумагам, что я подписала, не только она, но еще и квартира в Москве, и загородный дом, недвижимость за границей, счета? На тот момент это все моим было, а значит, не было никакого долга. Получается, ты меня действительно сейчас использовал. – Снова начинаю разводить сырость и громко причитать, шмыгая носом. – Я хотела, чтобы все было по любви.

Поток моего словесного бреда прерывается, потому что Гончаров, потеряв терпение, включает холодную воду, и я истошно кричу уже по другому поводу.

– Всё? – Сменив гнев на милость, Костя включает теплую воду. – Сместила фокус внимания? Приводи себя в порядок, а я пока еды закажу. – Поискав в карманах брюк, он достает ключ.

Снимает с меня наручники и халат. Бросает вещи на пол и закрывает створки душевой.

Кажется, эмоции окончательно поработают мой разум. Мне безумно нравится то, что сейчас происходит между нами. Неужели схожу с ума?

– Сходи в машину и принеси мою сумку, – обиженно бросаю Гончарову вслед. – У меня там должен быть сменный комплект белья и прокладки.

Знала бы, что в моей жизни такие выражи будут, еще и одежду из дома прихватила бы.

– А лучше поезжай в магазин и купи мне все новое. Я эску ношу.

Костя оборачивается, его брови грозно сходятся на переносице, но мне плевать. Самое страшное и так произошло. Ну и... оказалось совсем не страшным. Я бы

даже сказала, что очень приятным.

– Ты сейчас с водными процедурами закончишь, перекусим и другой размер примерим. – Гончаров кивает на мои сведенные ноги, отчего щеки тут же вспыхивают румянцем. – И лучше не выводи меня на эмоции. Я тоже умею это делать. Ничуть не хуже. – Он смотрит так серьезно, словно несколько минут назад не трахал меня с явным наслаждением.

Ну ладно, признаю, переборщила с драмой. А как Костя хотел? Думал, что я буду безропотно выполнять все его прихоти? Судя по всему, так и есть, если его выбор пал на меня. Ведь, по сути, терять мне нечего, кроме квартиры, а в случае чего даже искать никто не будет. Ни в тюрьме, ни в Москве, ни в овраге.

Но больше всего волнует другое: я ведь должна презирать Гончарова за наш спонтанный секс, которого не планировала и старалась избежать, а не чувствовать пьянящее головокружение от недавней близости. И уж тем более не желать ее повторения. Но я желаю. Возбуждение пронзает насквозь при мысли о настойчивых Костиных ласках. Что со мной не так? Нет, я знаю, что алкоголь убивает клетки мозга, но до сегодняшнего дня полагала, что их у меня в наличии очень много. А на деле получается, что живого места в черепушке не осталось, если думаю о таких вещах.

11 глава

– Маша, ты скоро? – доносится голос Гончарова через закрытую дверь.

Будь моя воля, не выходила бы из ванной до вечера. Эйфория после двух пережитых оргазмов почти отпустила, а крохи алкоголя, которые были во мне, давно выветрились. Впрочем, вся смелость тоже куда-то улетучилась.

– Иду, – глухо отзываюсь я.

Вытираюсь полотенцем и, накинув халат, открываю дверь.

Гончаров держит в руках мою сумку. Осмотрев меня с ног до головы, он протягивает ее и, не дожидаясь, когда возьму, произносит:

– Звонить со своего телефона можешь, но помнишь, да, что он может быть на прослушке? Ну и о том, что ты теперь моя законная жена, тоже не стоит забывать. Шумихи вокруг своего имени я не потерплю. Скандалы с сестрой оставь до лучших времен.

Уточнять, когда наступят эти времена, я не хочу. Бросив на Костю взгляд, лезу в сумку за бельем и прокладками, но первым в руки попадает телефон. Удивительно, что батарейка не села, хотя уже на последнем издыхании. Осталось семь процентов.

– Не переживай, я обязательно закручу роман с твоим садовником, если он у тебя есть. А если нет, то придется его нанять. Потом я инсценирую его убийство, в котором обвиню тебя. Ты сядешь за решетку, а я буду единственной наследницей всего твоего имущества. Классно я придумала?

– После подобных заявлений даже на водителя не рассчитывай, – холодно обрубает Костя.

– Сам будешь везде возить? – уточняю с плохо скрываемой иронией.

– Да. В черном пакете. По частям. Если не прекратишь себя так вести.

Но мне плевать на угрозы Гончарова. Хотя и чувствую себя неудобно под пристальным взглядом темных глаз. Особенно когда считаю пропущенные звонки и СМС от бывшего жениха. Вовремя ты, Денис. Почему вчера мне не отвечал?

Костя, цинично ухмыльнувшись, скользит взглядом по моим губам к шее. До черного пакета дело вряд ли дойдет, а от хорошего секса еще никто не умирал, так ведь? Гончарова, как я успела выяснить, заводит мое неповиновение.

– Ты заказал еду? – спрашиваю и сама задаюсь вопросом, куда же подевался инстинкт самосохранения. Мне бы оставить попытки провоцировать Костю. На будущее. Но не хочу молчать.

– Еще не успел. – Гончаров разворачивается и идет в спальню.

Закусив губу, я смотрю на телефон, а потом набираю Дениса. От бурлящих эмоций даже голова немного кружится. Столько всего хочется ему высказать, а процентов заряда для этого слишком мало, могу не уложиться. Возвращаюсь в комнату и подхожу к окну. Плевать, что Гончаров услышит разговор. Я теперь его жена. Пусть привыкает к моему присутствию. И к тому, что я его не люблю.

– Маша! – звучит в динамике встревоженный голос Дениса. – Ну наконец-то. Я тебе со вчерашнего дня звоню. Уже собирался в полицию сообщать о вашей с Зойкой пропаже. Тебя набираю раз за разом – тишина, сестра твоя тоже трубку не берет. На работе пошутили, что ты уволилась и замуж вышла. Ты где, беляшик? С тобой всё в порядке?

«Беляшик», потому что до недавнего времени я носила фамилию Беляева. Да ко всему прочему еще и блондинка. Глупое прозвище с детства раздражает, а теперь, когда динамик на максималках и Гончаров услышал, судя по громкому хмыку и появившейся улыбке на лице, я ненавижу это дурацкое слово еще сильнее. И с какой стати «беляшик»? Денису хватает наглости вести себя так, словно ничего не произошло?

– Я вчера весь вечер тебе звонила, чтобы потребовать объяснений лично от тебя. Как получилось, что ты и Зойка... – От обиды к горлу подступает ком, и я осекаюсь, но почти сразу же беру себя в руки, вспомнив, что батарейка в телефоне вот-вот сядет. – Как вы могли? Я же вам двоим доверяла, как себе. У меня роднее вас никого нет. Я вкалывала ради нашего будущего, а ты в это время с моей сестрой развлекался? А теперь еще и делаешь вид, будто ничего не произошло?

– Что я сделал? – недоумевает Денис. – Ты переработала, малыш? Совсем босс загонял? Давай я заеду за тобой. Похоже, тебе на самом деле нужно отдохнуть. А может, ты правда замуж выскочила за пару дней, пока я в командировку мотался, и меня теперь крайним во всем выставляешь? – посмеивается он.

Но мне не до смеха. Я и впрямь вышла замуж.

– Ты меня за идиотку держишь? Зоя вчера позвала меня в кафе и рассказала о вашей связи. Что вы ждете ребенка. Попросила съехать из квартиры, чтобы я

вам не мешала. Замки сменила, я даже домой попасть не могу. По-твоему, я это сама придумала?

– Бред какой, – хмыкает Денис. – Я без понятия, почему Зоя так сказала. Клянусь, я не прикасался к твоей сестре, не говоря уже о том, чтобы с ней спать. Да, отпускал комплименты, подвозил до института несколько раз, но дети от этого не появляются. И кстати, попасть в квартиру я тоже вчера не смог.

Чтобы переварить услышанное, мне нужно присесть. Но не могу сдвинуться с места. Нет, я знала, что мужчины врут, но чтобы вот так беспринципно?

Бросаю осторожный взгляд на Гончарова, который больше не улыбается, а нахмурился и принял серьезный вид.

Собираюсь сказать Денису, что врать не обязательно, но телефон разряжается в ноль и выключается.

– У тебя есть зарядка? – спрашиваю у Кости, показывая глазами на мобильный.

– На эту модель нет, но у тебя есть новый. – Он указывает на стол, где лежит навороченный смартфон, который я приняла за запасной Гончарова. – Только сначала сестру набери.

– Зачем? То есть почему? – неуверенно произношу я.

– Делай, как я говорю, – развалившись на кровати, требует Гончаров.

Беру со стола смартфон и по памяти набираю номер. Гудки идут, но Зойка не отвечает. С каких пор сестра стала такой избирательной?

– Еще, – кивает Гончаров на телефон в моих руках с хладнокровной маской на лице.

Я опять звоню Зое, но она все равно не отвечает.

– Пиши сообщение: «Есть еще одно поручение, перезвони. Оплачу по двойному тарифу».

Я ничего не понимаю, но слушаюсь. Не проходит и минуты, как на дисплее высвечивается входящий звонок с номера сестры. Поднимаю на Костю глаза.

– Что это значит?

– Ничего хорошего. Для тебя. Ну и напоминаю: ты моя жена и в ближайшее время в этом плане изменений не будет. А сестру за такие фортели я бы послал навсегда и подальше, – усмехается Гончаров, но ни в глазах, ни в голосе даже и намека нет на радость. – Передай привет от Куваева, чтобы она трубку не бросила.

Костя встает с кровати и начинает расстегивать рубашку.

– Если кто-то постучит в номер, то это доставка еды. Я в душ.

Смотрю в спину Гончарова, который скрывается в ванной комнате, и отвечаю на звонок.

– Это я, – говорю неживым голосом. – Трубку не бросай, я с приветом от Куваева. А еще только что Денис звонил и клялся, что не трогал тебя и пальцем. Объясни, что все это значит? – быстро тараторю, боясь, что Зоя все-таки положит сейчас трубку.

Ума не приложу, что хочу услышать, но последующие слова повергают в сильный шок.

– Маша, прости. Мне деньги были нужны, а Вадим Михайлович пообещал хорошую сумму, если разыграю перед тобой этот спектакль. Можно было бы, конечно, ипотеку погасить, но я уже прилично потратилась на операцию по увеличению груди и сделала первый взнос...

– Что? – Чувствую себя так, словно меня приложили по голове кувалдой, но почему-то болеть начинает совсем в другом месте.

Растираю грудь с левой стороны, однако неприятные ощущения даже не думают проходить. Я плюхаюсь на стул, словно из меня разом выкачали все силы, а вместо костной ткани в ногах образовалось желе.

– Не было между мной и Денисом ничего. Куваев к тебе клинья подбивает, а ты ни в какую. Вот Вадим Михайлович и попросил помочь, а еще показал мне фото Дениса, где он с беременной женщиной в обнимку стоит. Так что я тебе почти не соврала. Ни в какие командировки он не ездит, а баба у него в соседнем городе. С пузом. Вадим Михайлович лишь попросил меня чуть-чуть приврать, чтобы потом он смог тебя утешить.

– А замки в квартире?

– Это я по его просьбе сменила. Чтобы тебе некуда было пойти, а он бы подставил свое крепкое мужское плечо...

Я втягиваю воздух, чтобы переварить услышанное, но тщетно. В голове эта дичь не укладывается.

– То есть ты разрушила мои отношения с другим человеком и получила за это вознаграждение? О чем ты вообще думала, Зоя? Ну выставила бы свою девственность на продажу. Хотя о чем это я, ты, наверное, ее уже давно потеряла?

– Я устала жить в нищете и считать копейки, Маша! – повышает голос Зоя. – Заходить в кафе и думать, хватит ли мне сегодня на кофе с чизкейком или опять идти деньги у тебя просить. Устала! – в сердцах кричит сестра. – Да, босс предлагает тебе интим. И что в этом такого? Что случилось бы от одного раза? Все так сейчас живут. Абсолютно все. Тебе двадцать шесть, а ты похожа на синий чулок. Ходишь в зачуханной блузке, через пару лет еще очки на глаза наденешь, потому что не вылазишь из-за компьютера, и всё. Кому ты будешь такая нужна? Да что ты видела дальше нашего города? И Денис тебя не достоин, настругал детей на стороне, вот пусть теперь и воспитывает. Мы не обязаны его содержать.

– Та беременная женщина из соседнего города – жена его двоюродного брата, который разбился в прошлом месяце. Зоя, ты подложила сестру под босса. За деньги. Ты вообще в своем уме? Да ты в курсе, что из-за тебя я влипла в серьезные неприятности?

Обида и злость в груди разрастаются до огромных размеров и просятся наружу.

– Из квартиры моей выметайся. Сейчас скину тебе адрес, чтобы немедленно привезла мне ключи и расписку о том, что не претендуешь ни на какую долю. А после этого проваливай на все четыре стороны вместе со своими советами. И на лбу себе выбей, что теперь у тебя нет близкого человека!

– Да успокойся ты, Маш... – Голос Зойки становится озабоченным. – Чего так разоралась? И так я ни на что не претендую. Меня Вадим Михайлович свел с хорошим мужчиной. Я с ним в столицу вчера уехала, а ты здесь загибайся. Кстати, у вас что-то было с Куваевым? Не зря я подсуетилась?

Почему-то в уголках глаз собираются первые слезы, хотя я не хочу плакать. Это, наверное, от шока. А еще неверия. Разве можно так поступать с людьми?

– Было. А знаешь что? Я его чуть не убила. За домогательства. На меня теперь завели уголовное дело. Малолетняя и глупая дура ты, Зойка. Ведь тобой поиграют и выкинут за ненадобностью, а ты предала единственного близкого человека и плюнула ему в душу. Я такого отношения не заслужила.

– Вообще-то ты мне должна быть благодарна за такой шанс. Я насмотрелась на тебя и впахивать за копейки, чтобы в конце месяца думать, купить себе новые трусы или что-то из еды, не хочу. Так что это не я дура, а ты. Соглашаться надо было на секс с Куваевым, а не строить из себя недотрогу. Дам последний совет: имидж смени, найди себе мужика побогаче и будь с ним ласковой кошечкой. Это твой билет в роскошную жизнь. Адьёс, неудачница.

Зойка бросает трубку. Я пытаюсь снова набрать сестру, но она не отвечает на звонки, а потом и вовсе выключает телефон.

Да, у нас было тяжелое детство, бабушке постоянно не хватало денег на одежду и еду, она тянула всё одна, но и нищими мы никогда не были. Бабулечка воспитывала нас с Зоей в любви и согласии, говорила, что нужно в любых ситуациях оставаться человеком. Но разве то, что сделала сестра – человечно? Откуда в Зойке столько алчности? А главное, как теперь найти выход из сложившейся ситуации? Я не представляю.

В дверь стучат третий раз, громко оповещая о том, что это доставка еды, но я не могу сдвинуться с места. В груди будто что-то лопнуло, и невозможно сделать полноценный вдох. Когда думаю, что пора бы уже открыть официанту, Костя сам выходит из ванной комнаты, проходит мимо меня в одном полотенце, обмотанном вокруг бедер, и широко распахивает дверь. Молодой человек вносит поднос с едой в номер и быстро уходит, пожелав нам хорошего вечера и получив свои чаевые.

– Извини, у меня пропал аппетит, – отказываюсь я, задержав взгляд на мускулистой спине Гончарова.

Зоя советы раздавала, как правильно жить, не зная, что я уже часть их выполнила. Мужика богатого нашла, ноги перед ним раздвинула. Только на месте Куваева оказался совсем другой человек. С Костей хоть и не отвратительно было заниматься сексом, но что делать с осадком, от которого невозможно теперь избавиться? Я ведь изменила Денису и ко всему прочему еще и замуж выскочила.

– Поешь, и отправимся по магазинам. В халате и старых трусах в Москву ехать нельзя. Ты теперь жена олигарха и должна соответствовать своему статусу.

Подходящих цензурных эпитетов нет для человека, который стоит сейчас напротив. У меня жизнь до основания разрушена, а Гончаров не может подобрать ласковых слов, чтобы утешить, думая в это время о моем внешнем виде?

Сбросив полотенце, Костя подходит к шкафу и начинает одеваться. Я внимательно рассматриваю его тело. Кожа ровная и гладкая, кроме кистей рук. Выглядят они хорошо, а на ощупь как будто все в шрамах. На плечах у Гончарова много веснушек, а чуть ниже ключицы небольшой шрам. В остальном такой же обычный мужчина, как и все. Да, очень симпатичный и притягательный, при деньгах. Но на этом плюсы заканчиваются. Он чужой для меня человек. Как и я для него.

– Маша? – зовет Костя, когда я долго не отзываюсь. – Слух потеряла?

Я не хочу по магазинам, не хочу есть, ничего не хочу. А вот побыть немного одной не мешало бы, чтобы не наговорить Косте гадостей, которые крутятся на языке. Хотя, по сути, Гончаров ни в чем не виноват. Кроме того, что мог оставить меня в покое и не ломать мою жизнь. Я бы сегодня вернулась как ни в чем не бывало домой, и многое стало бы как прежде. А теперь что? Как Денису в глаза смотреть? А людям как доверять после откровений сестры? С брачным контрактом что делать? Да и в тюрьму я меньше всего желаю попасть.

Молча бреду на балкон и опускаюсь в плетеное кресло, глядя на родной город с высоты птичьего полета. Буквально вчера жизнь казалась простой и понятной, а сейчас я не знаю, что будет ждать завтра. Если оно и вовсе наступит. Может, Гончаров решит избавиться от меня после того, как выполню свою миссию?

Костя присоединяется ко мне через пятнадцать минут. Присаживается рядом и достает сигареты. Вытянув ноги, прикуривает и криво ухмыляется.

– Чутье еще ни разу меня не подводило, – задумчиво произносит он. – Вот и с тобой не ошибся. Ты идеальный для меня вариант. Нет бы истерики устраивать, молча ушла обдумывать сложившуюся ситуацию. Похвально.

Я опять смотрю на кисти его рук и теперь замечаю, что действительно есть небольшие шрамы на коже. Возможно, Костя сводил их лазером или у него хорошая регенерация тканей, и все само так аккуратно зажило – не знаю. Почти незаметно.

– Думаешь реанимировать меня пафосными философскими заявлениями? – Поднимаю глаза к его лицу, замечая, что Костя выглядит расслабленным. В отличие от меня. – Не получится. Я ужасно себя чувствую. В моральном плане. Сестра предала, я изменила по глупости жениху и стала твоей фиктивной рабыней. Что может быть хуже?

– Фиктивной рабыней? Мне нравится это определение. – Костя выдыхает струю дыма, глядя вдаль. – У меня лишь оболочка успешного мужика, Маша, внутри не так всё презентабельно. Лучше с моей темной частью не сталкиваться. Но тебе, как моей жене, придется.

– Да, я заметила, что тебе плевать на других, – ерничаю я. – Не говоря уже про их чувства и желания.

– Давно, – утвердительно хмыкает Костя. – Ты зря переживаешь за свой выбор и наш фиктивный брак. Желание-то, как оказалось, у нас обоюдное. А твой бывший... Что тебе делать с мужиком, который все время мотается по командировкам и даже не в курсе, что его женщину домогается босс? А потом семья, дети пойдут. Разве такой человек может вызывать доверие?

– Я о семье не думала. Все устраивало в жизни до той поры, пока сестра не вмешалась в мои отношения и я с тобой не встретила, закрутив интрижку. О чем сильно сожалею. Если бы могла отмотать время назад, то ни за что бы не подпустила тебя к себе и сбежала с парковки.

– Отнесись к этому эпизоду в своей жизни как к захватывающему приключению, не больше. Мы вскоре расстанемся, и ты вольна будешь делать все, что захочешь. Отношения строить, замуж выходить, детей рожать. Если есть желание, то я в этом плане могу посодействовать, – нагло ухмыляется Костя. – Хотя до определенного времени был категорически против детей. Однако мы сейчас в официальном браке, наследников у меня нет и теперь, скорее всего, не предвидится. Можно совместить приятное с полезным.

– Не предвидится? – переспрашиваю я. – А что так? И кстати, что у тебя за диагнозы? О чем говорил юрист, когда подсунул мне брачный контракт?

– С диагнозами моими всё в порядке, Машенька. А вот Мирон думает иначе. Уверен, через неделю вся Москва будет знать, что я женился. Или не будет. Самому интересно, крыса Рубанов или нет.

– То есть Мирон ненадежный человек?

– Как специалист – вполне, а как человек не очень. Будь моя воля, я бы держался от таких людей подальше.

– Но ты его держишь близко, – замечаю я.

– Приходится.

– Если бы между нами не было секса и юридических формальностей, то меня бы здесь уже не было, ты ведь это понимаешь?

- Но все это у нас уже есть. И продолжится на какой-то срок.

Видимо, этими словами Костя пытается отрезать мне путь к отступлению, но я и так не собиралась никуда сбегать.

Гончаров тянется еще за одной сигаретой, но я забираю пачку из его рук.

- Хватит. И спаивать меня - тоже. Не люблю алкоголь. А еще я взрослая и самостоятельная девушка, которая привыкла со своими неудачами справляться сама. Не нужно за меня решать, как мне будет лучше.

Чувствую на себе тяжелый взгляд Гончарова.

- А ты представь, что я твоя удача, Машенька. У вас с сестрой разные матери? Или отцы? - вдруг спрашивает Костя, меняя тему разговора.

- Почему ты интересуешься? - удивляюсь я.

- Впрочем, можешь не утруждать себя ответом. - Костя протяжно вздыхает и поднимется на ноги.

- Это еще почему? Одни и те же, конечно. Я Зою...

- Мне это не интересно, - обрывает меня Гончаров.

- А зачем тогда спросил?

- Пойдем есть и съездим в город. Мне пора возвращаться в Москву.

А мне - нет. У меня другие планы. И Косте придется пойти на уступки, если он не хочет, чтобы я вставляла ему палки в колеса и мешала делам.

- Мне нужно увидеться с Денисом, - уверенно заявляю. - Лично.

– Тем более. Ехать к нему в той разорванной блузке – плохая идея. Ну и к тому же ты замужем за влиятельным человеком. Не подобает ходить в таком убожестве, – кивает Костя на стул, где лежит моя одежда, точнее ее остатки. – Или ты специально так наряжалась на работу, чтобы вызвать отвращение у Куваева?

Мне не нравится, что Костя такой проницательный и почти всегда на шаг впереди, будто и впрямь может читать мысли других людей. Очень не нравится.

Вопрос Гончарова я намеренно оставляю без ответа. Костя уходит, так его и не дождавшись, а я достаю из кармана халата телефон и собираюсь набрать Дениса, чтобы договориться о встрече. Но откладываю эту затею, потому что не представляю, как сказать ему о том, что приняла слова Зои за чистую монету и совершила на эмоциях непоправимую ошибку. Вместо этого открываю интернет и забиваю в поиске фамилию Гончарова. Статей о нем хватает: про его достижения, про бизнес. Амбиций у этого человека, судя по интервью, которое я быстро пробегаю глазами, очень много, но больше всего цепляет другое. Новость и картинка, на которой Костя стоит с подростком. Парню навскидку лет шестнадцать, хотя, наверное, он старше, потому что громкий заголовок – «Сын влиятельного и известного бизнесмена попал в аварию и унес с собой жизни двух человек» – повергает в шок.

Мне становится очень жаль. И Костю, и его сына, и погибших детей в аварии. Я возвращаюсь в номер и сажусь за стол, пытаюсь выбросить из головы ужасные кадры.

Аппетита нет, но поесть нужно. Иначе свалюсь в голодный обморок, а этого допустить никак нельзя. Мне теперь предстоит как-то выпутываться из сложившейся ситуации. И желательно с минимальными потерями. Без всяких беременностей, детей, и тем более летальных исходов.

– Ты был в курсе договоренности между моей сестрой и Куваевым? – спрашиваю я, осмыслив ситуацию и поведение Гончарова.

– Откуда? Я с Вадимом не общался несколько лет. А если бы представилась такая возможность, то разговор у нас опять был бы коротким.

– Случившееся в ресторане и после как-то связано с бизнесом или это личные мотивы? За что ты его избил?

– Личные и завязанные на бизнесе, – спокойно отвечает Костя.

– Очень информативно, – недовольно хмыкаю я, доедая омлет.

Гончаров кивает на бутылки у кровати.

– Может, шампанского?

– Нет. Я больше не буду пить. И ты тоже. Если планируешь садиться за руль. Ну или я поведу. Машина ведь теперь моя?

– Твоя, – улыбается Костя. – Можешь на ней к сестре в гости смотаться, как вернемся в Москву. Хотя если доброжелатели прознают о моей молодой супруге и ее родне, то Зоя сама даст о себе знать. Или с помощью третьих лиц.

– На что ты намекаешь?

– Прямо говорю. Сейчас твоя персона у многих людей вызовет сильный интерес. В том числе и у твоей сестры, которая прибежит за деньгами. Ну или заключит с кем-нибудь сделку, чтобы их с тебя поиметь. Поэтому будь бдительна и почаще вспоминай, для чего тебе мозги.

Хочется опрокинуть на Гончарова поднос за то, что говорит загадками и снова пытается уколоть, намекая, что у меня туго с мозгами. Это отнюдь не так.

– Я всё. – Вытираю рот салфеткой и отодвигаю от себя поднос с едой. – Говоришь, я теперь жена олигарха и должна соответствовать этому статусу? Хорошо, поехали обновлять мой гардероб, котенок.

Широко улыбаюсь, заметив, как передергивает «котенка» от его нового прозвища. Но это напускное веселье, мне совсем не до смеха, особенно когда думаю о предстоящем разговоре с Денисом и своем скором отъезде в Москву. А еще вспоминаю о поцелуях Гончарова, которые лишь отдаленно на них похожи, потому что это настоящее надругательство над моим ртом. В Костином

представлении это «удача»?

– Если продолжишь делать всё наперекор и сознательно заниматься провокацией, то утвержу для тебя неизменное правило: ходить по дому без трусов, – произносит он, направляясь на балкон с телефоном. – Одевайся в свое тряпье, я пока закажу такси. У нас мало времени.

13 глава

– Ну и ценники, – произношу я вслух, перебирая ворох платьев, которые консультант принес в примерочную. – Жене олигарха ведь не обязательно носить вот это все, да, масик? – даже не пытаюсь скрыть иронию, произнося новое прозвище Гончарова, и напоминаю себе, что считать чужие деньги нехорошо. Хотя они как бы теперь мои. – Джинсы какие-нибудь есть? Желательно с двойной молнией и замком.

– Котенку нравится женственный стиль. – Костя делает акцент на слове «котенок». – Если тебе нужен совет по фасону, то выбирай необтягивающие варианты. Чтобы не мялись или случайно не рвались, когда я решу задрать твоё платье вверх и выполнить свой супружеский долг.

Едва сдерживаюсь, чтобы не скрежетать зубами от злости. Вроде пытаюсь вывести из себя Гончарова я, а получается все с точностью да наоборот. Может, начать подсыпать Косте в еду и питье «Виагру» в большом количестве, чтобы его инфарктом шибануло? Стать в моем возрасте богатой вдовой не такая уж и плохая альтернатива.

– А по цвету пожелания будут? Красное, черное, золотистое? Белое? – саркастично спрашиваю я.

– Белый – цвет невинности и твоей дешевой блузки. Отложи в сторону.

– Тогда это? – Показываю Гончарову первую попавшуюся вещь с ценой, равной моей зарплате.

«Надо две взять, – делаю пометку в голове. – И с этого дня ни в чем себе не отказывать.» Жаль, от привычки на всем экономить быстро не избавиться.

– Неплохо. – Темные глаза Гончарова задерживаются на моих ногах и поднимаются выше.

Он делает шаг навстречу. Уверенное движение руки – и моя блузка опять распахнута. Костя отгибает край бюстгалтера и припадает к груди губами, обжигая чувствительную кожу горячим языком. Этому извращенцу, похоже, наплевать, что мы вообще-то находимся в общественном месте, а консультант пошла выбирать мне кучу блузок и скоро вернется.

– Мы в примерочной, – пытаюсь остановить Гончарова.

– Я в курсе.

Он приподнимает голову, и по томной улыбке на его губах я понимаю, что Косте на это действительно плевать.

– У меня месячные.

– Мы занимались сексом пару часов назад. В кармане брюк у меня остались презервативы.

Ну хорошо, зайду тогда с козырей.

– Меня сестра предала, я изменила жениху, хотя не собиралась этого делать. Думаешь, приятно ощущать себя предательницей? Или какие ассоциации должны вызвать у меня твои прикосновения?

– Только приятные. Сколько же ненужного хлама в твоей голове, Маша. – Костя прицокивает языком, подключая руки, и нежно сжимает мою грудь, запуская по телу волну дрожи.

– Знаешь ли, люди не бездушные роботы, они способны испытывать боль. Так что дело вовсе не в голове. У меня болит в том месте, где ты сейчас держишь свою руку.

– Вот я тебе и помогаю с болью справиться. Провожу курс реабилитации для твоей психики. Не будь такой бестактной, прояви хотя бы чуть-чуть вежливости. – Костя поднимает мою руку и закидывает кисть за себе за шею, прижимает меня с такой силой, что выбивает из легких весь кислород.

– Разве у богатых женатых мужчин не принято иметь любовниц? Хотя бы одну, – говорю я, чувствуя животом его эрекцию и напрягаясь еще сильнее.

– Боишься не справиться с моими аппетитами? У меня возраст не тот, Машенька, чтобы из постели не вылезать и всем уделять внимание. Но на тебя хватит сил, не переживай.

– Неужели у тебя никого нет? С твоими-то семизначными суммами на счету...

– Есть, конечно. Но зачем мне идти на сторону, когда есть жена? – Костя целует меня в шею, игнорируя попытки отстраниться и остановить его.

– Фиктивная, – хрипло выдыхаю я, не желая сдаваться. – А значит, и секс между нами не обязателен.

Хочу сказать, что о нем ничего не было написано в контракте, но Гончаров не дает этого сделать, потому что запечатывает мой рот поцелуем. Опускает одну руку вниз и кладет на ягодицу, нежно поглаживает, а потом с силой сжимает одновременно с таранящими движениями языка у меня во рту.

С каждым касанием и рваным выдохом, когда Костя прерывает ненадолго поцелуй, чтобы я могла вобрать в себя хоть крупицы воздуха, из головы вылетают все «но». Гончаров хоть и ведет себя как хам и скотина, но явно знает, как сделать женщине приятное. Чтобы ей захотелось в ответ. Но я из вредности начинаю отталкивать от себя Костю и кусаю его за нижнюю губу. Однако огонь в дьявольских глазах напротив разгорается лишь сильнее, давая понять, что из этой схватки я не выйду победителем.

– Я протрезвела, – произношу не своим голосом, чувствуя неугасающий жар внизу живота. – И больше не поддамся на твою провокацию. Почему ты меня выбрал? Кругом куча девиц, желающих получить твердый член и кредитку в придачу, а мне ничего из этого не нужно. Да, ты заработал всё своими усилиями,

я не умаляю твоих заслуг, с неба просто так блага не падают. Но с какой стати ты возомнил себя хозяином жизни и вершителем чужих судеб? Ты ведь шантажом удерживаешь меня рядом с собой. Если бы не брачный контракт и твои заверения, что я сяду в тюрьму за то, что хотела заработать, никогда бы на эту авантюру не согласилась, слышишь? Никогда! Я презираю таких людей, как ты!

Мою гневную тираду Гончаров воспринимает абсолютно спокойно. Проводит пальцем по скуле, нежно оглаживает кожу и заправляет светлый локон мне за ухо с таким выражением лица, будто я ему о погоде рассказываю, а не о своей ненависти.

– Никто и никогда не обидит тебя, Маша. Кроме меня, естественно. – Костя смотрит гипнотизирующим взглядом. – Пока ты носишь мою фамилию и на тебе куча моей недвижимости, с тобой ничего не случится и ты никуда от меня не уйдешь.

– А я не хочу быть с тобой! Найди себе другую игрушку и развлекайся с ней сколько пожелаешь! – пытаюсь взять себя в руки, говорю я.

– Выбирать можно до бесконечности. Я же всегда делаю это быстро и без сомнений, редко ошибаясь после принятия решения. К тому же женщина – визитная карточка любого мужчины. У меня она шикарная, с характером. Только слишком независимым. Поэтому брачный контракт и его жесткие рамки. Чтобы ты думала головой, а не сердцем.

– Ты подделал мою подпись для регистрации брака. Заставил дать ложные показания следователю. Ты ведешь себя так, будто я твоя собственность, а не живой человек. Полагаешь, я горю желанием заниматься с тобой сексом после всего этого?

Костя ничего не отвечает, но по торжеству в его глазах и тому, как он смотрит на меня, утверждаюсь в своих предположениях. Да, именно так он и думает.

– Знаешь, у Вселенной есть такой закон, – продолжаю я. – Если в жизни случаются неприятности и они идут одна за другой, то таким образом свыше дается знак: ты делаешь что-то неправильно. Мои проблемы множатся после твоего появления, а значит, ты не то, что мне необходимо, и нужно

остановиться, чтобы пойти другим путем, без тебя.

– Увлекаешься психологией?

– Астрологией. И судя по тому, как быстро ты достигаешь успехов, у тебя неплохая натальная карта, но сам ты очень сложный человек.

– Какая карта? – В уголках глаз Гончарова собираются красивые морщинки, потому что он начинает улыбаться.

– Натальная. Ты дожил до стольких лет, заработал кучу миллионов и не в курсе, что это такое?

– Не в курсе. С мертвыми, надеюсь, не разговариваешь? – громко хохочет он, но я не понимаю, в чем причина подобного веселья.

– Если это оттолкнет от меня, то начну.

– В твоем случае будет лучше, чтобы меня к тебе тянуло. Я неохотно расстаюсь с полюбившимися вещами. Хотя роскошью не обделен.

Намекает, что я для него вещь, а вокруг полно женщин куда более презентабельного вида? Сама не понимаю, как это происходит, но машинально поднимаю руку и припечатываю Гончарова по щеке. Да с такой силой, что боль обжигает ладонь.

– Так понятнее, как ты меня бесишь?

– Вполне. Сейчас покажу, как ты меня. – И Костя впивается в мой рот грубым поцелуем, толкая к стене.

Бедная и несчастная блузка трещит по швам от натиска Гончарова, теперь уже окончательно. Костя рвет ее остатки и спускается к моей шее, с нажимом целует, облизывает ключицы, заставляя воспламениться кровь. Это ужасно приятно. До вспышек перед глазами. А когда он прикусывает кожу над соском и протискивает ладонь между моих ног, я снова готова сдаться.

Денис никогда не проявлял столько настойчивости. Я поначалу думала, что редкий секс – это нормально, пока Светка не рассказала об аппетитах своего парня. И о том, где у нее ноет после того, как они всю ночь не вылезают из постели. Тогда-то я и задумалась, что причина, наверное, кроется во мне. Может, я не возбуждаю Дениса? Сходила в магазин, на последние деньги купила красивое белье, приготовила шикарный ужин. Но Денис не взял меня ни на кухне, ни на диване в гостиной, ни даже ночью в кровати. Сказал, что устал, и заснул. Поначалу было обидно, а потом пришло смирение. Ведь мой жених – надежный, порядочный, работающий, без вредных привычек, любит меня. Ну и что, если близость между нами раз или два в месяц? Однако после сексуальных посягательств Гончарова, я всерьез задаюсь вопросом: а была ли проблема во мне или все-таки она у Дениса?

– Я прочитала про тебя в интернете, – задыхаясь от сжигающего удовольствия шепчу я в попытке ухватиться за крупы разума, все еще надеюсь остановить Костю. – Про тебя и твоего сына. Переоформление на меня имущества как-то связано с его смертью и той аварией?

Гончаров замирает и напряженно вглядывается в мое лицо. Словно его молнией ударило после этих слов. Огонь в темных глазах меркнет, руки падают по швам.

Вроде и добилась своего, Костя меня больше не трогает и вышел из примерочной, а внутри погано и беспокойно. Еще и Денису написала сообщение с адресом торгового центра, куда привез меня Гончаров. С минуты на минуту предстоит как-то объяснить бывшему, почему я теперь жена другого человека. Но проблема в том, что я и себе не могу этого объяснить. Как и недавний обескураживающий экстаз от прикосновений Гончарова, который снова хочется пережить.

14 глава

– Всё? Закончила? – безразличным тоном спрашивает Гончаров, поднимаясь с дивана, когда я выхожу из примерочной, и идет на кассу.

Даже не взглянув на меня. Почему-то это задевает. Пятнадцать минут назад откровенно домогался, а теперь я как будто превратилась в пустое место.

– Я Денису позвонила, он сейчас приедет, – бросаю в широкую спину, обтянутую пиджаком.

На какие-то мгновения Гончаров замирает с карточкой в руках, а потом так же безэмоционально прикладывает ее к терминалу и направляется к выходу.

Приходится нести пакеты самой. На слова о том, что не мешало бы мне помочь, Костя никак не реагирует. Покупок, правда, не особо много. Я не стала транжирить деньги, но вовсе не потому, что побоялась конских ценников, а потому что не представляю, куда все это носить. На первое время взяла необходимое, а потом куплю что-то еще. Может, меня из дома не будут выпускать?

– Неужели тебя так задели те слова? – спрашиваю, когда Гончаров, открыв дверь, наблюдает, как я складываю пакеты на заднее сиденье, а потом поднимает запястье и смотрит на часы.

– У тебя двадцать минут. После чего я вмешаюсь и мы уезжаем. До Москвы ехать почти два дня, а я неважно себя чувствую. Зайдешь на обратном пути в аптеку и купишь эти таблетки. – На телефон приходит СМС. – Время пошло.

С блеском в глазах и хоть какими-то эмоциями на лице Костя выглядит куда лучше, чем с каменной маской. Да и стальные интонации в его голосе меня совсем не привлекают. Будто подменили человека.

– На что я куплю? – говорю бойко.

– Сиськи фармацевту покажешь.

Скотина злопамятная.

– А если она девушка и ей это не интересно?

Гончаров тянется в карман брюк и протягивает карту, холодно глядя на меня.

– А код?

Терпеливо жду ответ, пока Гончаров достает из бардачка сигареты.

– Обратись к Вселенной за подсказками.

– Это так не работает.

– А как?

Его пронзительный взгляд находит мое лицо.

Ну хорошо. Есть идея как. Достāju из сумки телефон, который мне выдал Гончаров, и проверяю тот на наличие подключенных платежных систем. Все схвачено у паразита...

Костя довольно прищелкивает языком.

– Умница. Все-таки зачатки мозга имеются. Двадцать минут, Маша, – напоминает он.

– Домой заехать можно? Наверное, у соседки есть ключ. Или слесаря вызову. Мне нужно попасть в квартиру.

– Нечего тебе там делать, – безапелляционным тоном отвечает Костя. – Документы у тебя новые, трусов накупила. Все остальное останется лежать в квартире на своих местах до твоего возвращения. Еще вопросы? Время идет, – намекает он, что я напрасно теряю минуты.

Слова Гончарова о моем возвращении домой вселяют надежду, что так оно и будет. Хотя я уже ни в чем не уверена.

Разворачиваюсь и иду в торговый центр. Между прочим, в новом платье с шикарным декольте, на которое Гончаров даже не взглянул. Юбка, блузка, как и куча других вещей из квартиры, теперь остались в прошлой жизни. Еще бы с Денисом объяснить, а я по-прежнему не представляю как. Внутри царит оглушающая пустота. Даже чувство вины куда-то испарилось. И ведь буквально вчера хотелось увидеть бывшего и разнести его за предательство в пух и прах. А сейчас сама, получается, виноватая.

– Маша, – окликает Денис и хватает за локоть.

Задумавшись о своем, я чуть не прохожу мимо.

– Что все это значит? Какой серьезный разговор и последний? – Он недоумевающе смотрит на меня.

Нет, все-таки погорячилась с безразличием. Грудную клетку обжигает мучительной болью, когда я вижу потерянное лицо Дениса. Его большие зеленые глаза наполняются непониманием. Оценив шикарный внешний вид, он выпускает мой локоть и делает шаг назад. На работу с недавнего времени я старалась одеваться посредственно и безлико, чтобы Куваев меньше обращал внимание, но не тут-то было. Все равно этот сволочь пожирал меня глазами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/doronina_slava/cena-soglasiya

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)